

Ф. ВИГДОРОВА

МОЙ КЛАСС

НОВЫЙ КИРШ

1931

Фрида Абрамовна Вигдорова

Мой класс

Сканирование, распознавание, вычитка – Глюк Файнридера
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157800

*Мой класс: Новосибирское областное государственное издательство;
Новосибирск; 1951*

Аннотация

...В повести «Мой класс» автор, сам по профессии педагог, рассказывает о молодой девушке, которая только начинает работать в школе, о том, как она ищет, думает, иной раз серьёзно ошибается, огорчается и радуется, учит ребят и в то же время учится сама, познавая на опыте высокое счастье быть советской учительницей.

Ещё далеко не всё ладится в её работе, но любовь к детям, стремление узнать их помогают ей найти верный путь во многих случаях. Учительница, от лица которой написана эта книга, повествует о своей работе правдиво и просто, это и заставит читателей волноваться вместе с нею, думать о рассказанном...

Содержание

Высокое призвание советского учителя	5
I	9
1-е СЕНТЯБРЯ	9
СОРОК ПЯТЬ МИНУТ	12
С ЧЕГО НАЧИНАТЬ?	15
ТАЙНЫ ОБЫКНОВЕННЫХ СЛОВ	18
РАЗГОВОР В УЧИТЕЛЬСКОЙ	21
СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ...	25
ПАРТИЯ В ШАХМАТЫ	29
«СПЕРВА Я ДАЛ ЕМУ СДАЧИ...»	32
ЗАСТУПНИК	36
СТРАНИЦА ЗА СТРАНИЦЕЙ	38
ДЕСЯТЬ ПЛЁНОК	41
КАК ПОСТУПИТЬ?	44
САМОЕ ГЛАВНОЕ	50
НОВЫЕ БАШМАКИ	58
ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ	62
ДРАКА	67
ГАЛЯ	70
БРАТЯ ВОРОБЕЙКО	73
НАШ ВОЖАТЫЙ	82
«УМЕЛЫЕ РУКИ»	85
«И С ГРУЗОВИКОМ ТОЖЕ Я...»	89

УШАНКА	93
БЕЗ ГРОМКИХ СЛОВ	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Фрида Абрамовна Вигдорова Мой класс

Высокое призвание советского учителя

Каждый год в ноябрьский день в нашей школе собираются выпускники минувших лет. И тогда школьные стены становятся свидетелями необычного зрелища: за партами сидят не подростки, не юноши, а взрослые и даже пожилые люди – рабочие, инженеры, врачи, архитекторы, учёные и воины – герои Великой Отечественной войны.

По давно установившейся традиции, они рассказывают о том, как живут, как работают, какие строят планы на будущее. И всегда эти люди, разных возрастов и профессий, окончившие школу много лет назад, находят для своих учителей слова, полные глубокой любви и благодарности. Одного педагог научил серьёзно, добросовестно работать, другому помог преодолеть неуверенность в своих силах, третьему подсказал любимое дело. И всех учитель научил отличать хорошее от плохого, благородное от низкого, научил пони-

мать, в чём счастье и смысл жизни, в чём долг советского человека.

Давно это было, но и через много лет после окончания десятого класса эти люди с волнением говорят о том, какой неизгладимый след оставила в их жизни школа, о том, как дорого им всё связанное с нею, с учителями. Они и теперь, став взрослыми, проверяя свои поступки, спрашивают себя: а что сказал бы, что посоветовал бы тот, кто учил меня в детстве?

Каким же настоящим, душевно богатым человеком надо быть, чтобы щедро делиться с детьми – год за годом, из поколения в поколение – всем лучшим, что в тебе есть, отдавать им лучшие силы ума и сердца и, отдавая, постоянно, день ото дня становиться богаче!

Михаил Иванович Калинин, глубоко чтивший работу учителя, говорил: «Учитель отдаёт свою энергию, кровь, всё, что у него есть ценного, своим ученикам, народу... Учитель, с одной стороны, отдаёт, а с другой стороны, как губка, впитывает в себя, берёт всё лучшее от народа, жизни, науки, и это лучшее снова отдаёт детям».

Да, работа учителя поистине требует всего человека и в то же время делает его счастливым, потому что это большое счастье – видеть, как при твоей помощи растут и складываются новые люди, как зреет их мысль, как формируется характер.

Каждый из вас, читателей, задумывается над тем, какое

дело избрать для себя в жизни. И, наверное, многие из вас уже теперь, на школьной скамье, спрашивают себя: а не стать ли мне учителем? Но для того чтобы решить это, надо заглянуть в глубь профессии, узнать о её трудностях и о том, каких качеств требует она от человека. Вот почему так важны и ценны для нас книги учителей, книги, в которых педагоги рассказывают о своей работе, делятся своим опытом и раздумьем.

В повести «Мой класс» автор, сам по профессии педагог, рассказывает о молодой девушке, которая только начинает работать в школе, о том, как она ищет, думает, иной раз серьёзно ошибается, огорчается и радуется, учит ребят и в то же время учится сама, познавая на опыте высокое счастье быть советской учительницей.

Ещё далеко не всё ладится в её работе, но любовь к детям, стремление узнать их помогают ей найти верный путь во многих случаях. Учительница, от лица которой написана эта книга, повествует о своей работе правдиво и просто, это и заставит читателей волноваться вместе с нею, думать о рассказанном.

Мне кажется, что эту книгу с интересом и пользой для себя прочтёт и студент педагогического вуза, и молодой учитель, и пионервожатый. А старшеклассник, ознакомившись с записками молодой учительницы, более глубоко, чем прежде, задумается об учителе и его нелёгком, но благородном и радостном труде.

*Заслуженный учитель РСФСР,
кандидат педагогических наук,
директор 110-й школы Москвы
И. Новиков.*

I НАЧАЛО ПУТИ

1-е СЕНТЯБРЯ

По тихому переулку, по середине мостовой, шагает мальчик лет семи, в длинных брюках и куртке с золотыми пуговицами. В руке у нет портфель, а на лице такое выражение, что и не расскажешь. Он, видно, уверен, что все глаза устремлены на него. Он старается быть скромным, но сознание, что он, такой нарядный и деловитый, идет в школу, переполняет его счастливым волнением.

Я тоже иду в школу и тоже впервые. В руках у меня список учеников. Изредка я заглядываю в него и снова читаю фамилии, которые знаю уже наизусть: Антонов Володя... Выручка Ваня... Мне почему-то кажется, что он высокий, художавый. Гай Саша... Ильинский Витя – мой однофамилец... Какие они все?

Чем ближе к школе, тем больше ребят идёт в том же направлении и тем тревожнее у меня на сердце. Просто-напросто я боюсь. Мне кажется, войдя в класс, я забуду всё, что приготовилась сказать. «Здравствуйте, дети, – говорю я шёпотом. – Я ваша учительница. Меня зовут...»

Вот она, школа – большое кирпичное здание. Во дворелюдно и шумно, и я отчётливо замечаю всё, что происходит. Повсюду тесные кучки оживлённых, громко разговаривающих ребят. Малыши, такие же торжественные и принаряженные, как тот, что первый встретился мне на улице, держатся за руки матерей. Высокий майор, слегка наклонившись, разговаривает с немолодой женщиной, как видно учительницей, и бережно, чуть прижав к себе, держит за плечо сына, а у того на лице сквозь первую робость так и светится любопытство. У самого крыльца ещё один малыш горько, громко плачет и повторяет сквозь слёзы:

– Не хочу в первый класс. Хочу во второй, к Вове!

Вова, немного растерянный, стоит рядом.

– Мы с ним в одной квартире живём, – поясняет он. – Я его привёл, а он... – и, немного справившись со своим смущением, доканчивает: – маленький ещё, не понимает...

Со всех сторон слышатся весёлые приветствия, удивлённые возгласы:

– Как вырос! Не узнать!

– Что ж ты не писал?

– У нас полкласса новеньких – видали список? Целых восемь человек!

Всё это я, как ни странно, вижу, слышу, запоминаю и... чувствую, что сердце у меня колотится куда быстрее обычного.

Из дверей школы выходит Людмила Филипповна, дирек-

тор. Два дня назад, когда я говорила с нею в ее кабинете, она показалась мне маленькой, худенькой, немного сутулой старушкой, очень похожей на мою соседку Татьяну Ивановну. Но сейчас я не замечаю никакого сходства: Людмила Филипповна быстро, почти не сутулясь, проходит по двору, легко поднимается по ступенькам дощатой трибуны. Всё затихает. И директор совсем молодым, звонким и сильным, голосом поздравляет нас всех, учеников и учителей, с началом учебного года.

– Это первый послевоенный учебный год, – говорит она. – Мы с вами навсегда запоем его, запоем это ясное сентябрьское утро и то, как мы собрались у дверей школы, чтоб начать занятия под чистым, свободным небом. И сегодня, в такой большой праздничный день, я хочу напомнить вам о тех людях, которым мы обязаны своей свободой и счастьем, – о тех, кто храбро, самоотверженно сражался с врагом на фронтах Отечественной войны. В этих боях погибли наши бывшие ученики – Гриша Данилов, Павлик Медведев, Нина Полянская.

Мы слушаем её в глубокой тишине. Она желает нам успеха, надеется, что мы будем упорно и хорошо работать. Потом она поднимает руку – что-то сверкает: это колокольчик; по всему двору разносится его весёлый звон, и по его зову двери школы широко распахиваются перед нами.

СОРОК ПЯТЬ МИНУТ

– Что ж, пора, – говорит заведующий учебной частью Анатолий Дмитриевич. – Сейчас вместе войдём в класс, и я познакомлю вас с детьми.

– А можно мне самой?

Он внимательно смотрит на меня и, помедлив, отвечает.

– Не полагается... Ну да ладно, идите. И не надо так волноваться, пожалуйста...

И вот я открываю дверь и вхожу в класс. Вижу распахнутое настежь окно, яркое голубое небо за ним и красную крышу дома напротив, но не различаю ни стен класса, ни лиц учеников. Кое-кто из ребят встаёт, другие продолжают сидеть. Я молча стою у стола и жду. Постепенно, не спеша, с грохотом и стуком поднимаются остальные.

– Здравствуйте! Садитесь! – говорю я громко и не узнаю своего голоса. В горле у меня пересохло, в ушах шумит. Так же громко, словно мне предстоит перекричать целую толпу, я продолжаю: – Меня зовут Марина Николаевна. Я ваша классная руководительница... («Ведь я даже написала всё, что скажу, – мелькает у меня в голове. – И ничего-ничего не помню... как же так?») На уроках географии мы с вами будем изучать нашу страну – её леса и реки, долины и горы. На уроках естествознания мы будем...

На последней парте двое ребят перешёптываются, а маль-

чки, сидящие слева, даже и голоса не понижают: их, видно, совсем не заботит, что я слышу их беседу.

– Пожалуйста, тише, – прошу я.

Они взглядывают на меня внимательно, даже удивлённо, умолкают ровно на секунду – и снова разговаривают. Один из них – черноглазый, с живым, смыслённым лицом. Другой – светловолосый, худенький: воротничок голубой рубашки свободно болтается вокруг длинной, тонкой шеи, глаза смотрят пристально и чуть насмешливо.

Тогда я беру в руки хрестоматию для четвёртого класса и начинаю читать совсем тихо:

– «Жила-была на свете лягушка-квакушка. Сидела она в болоте, ловила комаров да мошку, весною громко квакала вместе со своими подругами. И весь век она прожила бы благополучно – конечно, в том случае, если бы не съел её аист. Но случилось одно происшествие...»

Шум продолжается. Не повышая голоса, я продолжаю читать. Сидящие поближе прислушиваются к чтению.

– «...Я придумала! Я нашла! Пусть две из вас возьмут в свои клювы прутик, а я прицеплюсь к нему посередине...»

– Потихе, вы! Не мешайте слушать! – ворчит кто-то.

Я делаю вид, будто ничего не заметила, и продолжаю читать. Понемногу становится тихо, и только в самых забавных местах вспыхивает дружный смех. Вот лягушка летит над лугами и лесами, все восхищаются ею, а ей не терпится похвастать своей выдумкой, и наконец она квакает что есть

мочи: «Это я! Я!» Конец сказки я читаю в полной тишине, у ребят оживлённые, улыбающиеся лица. Когда раздаётся звонок, они окружают мой стол и начинают наперебой спрашивать;

– А в моей хрестоматии этой сказки нет – почему?

– А английский язык у нас будет?

– А тетрадки будут давать? А то у меня только две, и обе в клетку.

Я стараюсь ответить всем. Голос у меня уже обычный, и я забыла, что сорок пять минут назад мне было страшно. Кого бояться? Ребят? Но вот мы с ними посмеялись над храброй хвастуньей-лягушкой и уже чувствуем себя так, словно не первый день знакомы.

...Я совершила немало ошибок на этом своём первом уроке: не сделала переклички, не произнесла вступительного слова и прочла сказку Гаршина, которую совсем не собиралась читать. Если уж говорить правду, я просто спряталась за эту самую лягушку, чтобы выиграть время и справиться со своим волнением. Я не выполнила ничего, что намечала, когда шла на урок. Но эти первые сорок пять минут научили меня простому и необходимому правилу, которого, как ни странно, я до сих пор не знала: если хочешь, чтобы тебя слушали, не кричи.

И ещё много простых, несложных истин усвоила я в те дни, уже далёкие, но такие памятные, словно всё это было вчера.

С ЧЕГО НАЧИНАТЬ?

Вечер. Я сижу за своим столом. Передо мною груда тетрадей – первый диктант. Сбоку пристроилась Галя. Перед нею тоже тетрадь, в руках чёрный карандаш. Посапывая, склоняя голову то на один бок, то на другой, она старательно выводит палочки. Светлые волосы поминутно падают ей на лоб. Мне видны только эти непослушные вихры, краешек щеки и курносый нос.

Галя – моя соседка по квартире. Мы с нею знакомы уже семь лет – с самого её рождения. Её уважение ко мне безгранично: в этом году она поступила в первый класс и исполнена почтения ко всему, что связано со школой и ученьем. Мы с нею всегда дружили, но теперь я учительница – это не шутка! Галя, с колыбели звавшая меня просто Мариной, стала теперь называть меня по имени-отчеству. Время от времени она поднимает на меня круглые карие глаза и тихонько вздыхает. Я велела, не мешать мне, и она добросовестно молчит; но я вижу, что ей это нелегко.

Скоро я забываю о Гале и целиком погружаюсь в тетрадки. Красный карандаш не остаётся без дела – я подчёркиваю слово за словом (исправлять ошибки будут сами ребята).

Вот чистая, аккуратная тетрадь, красивый, ровный почерк. Чья это? Толи Горюнова... Ага, такой невысокий, хрупкий и худенький. Ребята зовут его Тоней, и он в самом

деле похож на девочку: чуть что, сразу смущается и краснеет. У него нет ни одной ошибки. А вот в следующей тетрадке все буквы топорщатся, разбегаются, полей нет, и в конце – жирная клякса. Кира Глазков? Нет, не помню, какой он. Ошибки у Киры странные: «мальчик» без мягкого знака, в двух местах пропущены слова и вместо «корзинка» почему-то «курзинка».

Вид следующей тетради приводит меня в ужас: грязно, неразборчиво, что ни слово, то ошибка. Вот ещё такая же тетрадь, ещё... Я откладываю их в сторону.

– Что, плохо пишут? – слышу я сочувственный Галин голос.

– Плохо, – отвечаю я сердито и думаю: что делать с такими? Тут даже не поймёшь, с чего начинать...

– Галя, ужинать и спать! – слышится из коридора, и в дверь заглядывает Татьяна Ивановна, Галина бабушка.

– Тише! – строго говорит Галя. – Марина Николаевна проверяет тетради.

Бабушка поспешно прикрывает рот ладонью: ясно, что я занимаюсь очень важным делом и мне нельзя мешать. Она замечает моё огорчённое лицо и спрашивает участливо, совсем как Галя:

– Что, плохо пишут?

– Вот, поглядите, – отвечаю я: – маленький диктант, всего страница, а ошибок...

– Да-а, – задумчиво говорит Татьяна Ивановна. – Как ни

говори, война тоже виновата. Дети из Москвы уезжали, некоторые не одну школу переменили. Ребятам трудно приходится – и по хозяйству, и в магазин сходить, и за меньшими приглядеть. Тоже ведь и лето за плечами, позабыли всё. Ну, ничего, вспомнят понемножку!

Галя с бабушкой уходят, а я снова принимаюсь за работу.

ТАЙНЫ ОБЫКНОВЕННЫХ СЛОВ

На ближайшем уроке грамматики мы стали разбирать ошибки первого диктанта.

– Почему ты написал «мидведь»? – допытывалась я у Вани Выручки, который оказался вовсе не высоким и не худощавым, а напротив, маленьким, плечистым крепышом.

Он молчал.

– Скажи, что называется корнем слова?

На этот вопрос Ваня ответил бойко, отчётливо, но это не меняло дела: на столе передо мной лежал диктант, и там рукою Вани так же ясно и отчётливо было написано: «мидведь».

– Ну, теперь подумай, какой корень в слове «медведь», – продолжала я.

– «Мед» и «вед»! – с каким-то забавным и радостным удивлением воскликнул со своего места Толя Горюнов.

Класс обрадованно всколыхнулся: всем показалось очень занятным, что в слове «медведь» названо умение мишки ведать мёд. И хотя Толя поступил не по правилам (он должен был поднять руку и ответить только после того, как я разрешу), у меня не хватило духу сделать ему замечание.

– Некоторые из вас думают так, – сказала я: – грамматические правила сами по себе, а грамотность сама по себе. Одно другого не касается: можно писать правильно и не зная

правил. Это неверно. Конечно, если просто заучить правило, как Ваня, не подумав о том, что медведи любят лакомиться мёдом, толку не будет. Но если учить правила осмысленно и помнить о них, когда пишешь, тогда другое дело. Не напишет «пирчатка» тот, кто знает, что корень этого слова «перст», то есть палец.

– А напёрсток! – снова воскликнул Толя. – Его тоже на палец надевают!

– И перстень тоже! – подхватил всё ещё стоявший у доски Ваня.

– Вот, вот. Смотрите, как интересно знать происхождение слова, его скрытый смысл! Каждый из вас, конечно, давно сообразил, что подушка – это вещь, которую кладут под ухо. А какие ещё слова вы мне назовёте с этим корнем?

Поднялись руки:

– Ушат!

– Наушники!

– Ушанка!

А Толя снова удивил нас своей находчивостью.

– Оплеуха! – заявил он с восторгом.

– Это простой корень, – подзадорила я. – А кто скажет, от какого корня происходит непривычное, странно для нас звучащее слово «скопидом», то есть скупой человек, скупец?

После небольшой заминки несколько ребят отыскивали разгадку:

– Тут два корня – «копить» и «дом». Скупой, вот он и

копит!

«Что ни говори, а если на уроке интересно – полдела сделано, – решила я. – Важно, чтобы ребята поняли: грамматика – вовсе не скучный предмет».

РАЗГОВОР В УЧИТЕЛЬСКОЙ

У меня всегда был в запасе набор разноцветных мелков. Они помогали наблюдать состав слова: выписанные красным мелком суффикс или приставка легче определялись и запоминались лучше. К каждому уроку я старалась приготовить какие-нибудь занятные, неожиданные примеры и никогда не могла пожаловаться на невниманье ребят: они хорошо, слушали и хорошо запоминали. И я двигалась по программе очень быстро.

Мы проходили правописание приставок из – воз – низ – раз – без – чрез – через, и чтобы для ребят яснее стала разница между глухими и звонкими согласными, я затеяла игру. Да, это была почти игра.

– Как называется место для молотьбы? Ну-ка, Серёжа!

– Ток!

– А место, где ремонтируются суда? Кто знает?

– Док!

– Как называется помещение, в котором мы живём?

– Дом! – раздаётся дружный хор голосов.

– А отдельная книга в собрании сочинений?

– Том, том! – кричат ребята.

Мы перебрали много таких пар, много слов, которые отличались друг от друга только начальными согласными: одно начиналось со звонкого согласного звука, другое – с глухо-

го. От меня в класс и от класса ко мне, словно мячи, летели слова: жар – шар, зуд – суд, бот – пот... При этом особенно отличались Боря Левин, Толя Горюнов и Саша Гай – они отвечали мне раньше, чем я успевала договорить.

Я была очень довольна: на меня смотрят смеющиеся, блестящие глаза, всем интересно – и мне не меньше.

Но всё время, пока шёл урок, я помнила, что в углу на последней парте сидит Анатолий Дмитриевич. Он сидит у меня уже четвёртый день кряду. И хотя лицо его спокойно, невозмутимо, мне кажется: что-то ему не нравится, что-то я делаю не так.

После уроков, в учительской, он сказал мне:

– Давайте поговорим, Марина Николаевна.

Я сажусь напротив, складываю руки на коленях и сама чувствую, что у меня вид провинившейся ученицы. Анатолия Дмитриевича неподвижное, почти угрюмое лицо, над глазами нависли густые, мохнатые брови. Мне становится не по себе. Вот он раскрывает свой блокнот и, к моему удивлению, говорит:

– У вас живые уроки. Они будят мысль ребят, заставляют их расшевелиться. Ведь именно этого вы и добивались?

– Да, конечно.

– Я рад, что вы понимаете: надо не просто заниматься грамматикой – надо научить ребят искусству открывать тайны обыкновенных слов. Это увлекательные поиски. И если запоминанию помогает игра, к которой вы прибегли сего-

дня, – в этом тоже нет беды. Но я хочу вас предостеречь. Вспомните, многие ли ребята принимали сегодня участие в уроке?

– Многие! Конечно, многие! Помните...

Анатолий Дмитриевич не даёт мне договорить. Кажется, он улыбается самым краешком губ.

– Про дом и том сообразили все, – говорит он. – Ну, а что... до остального, так ведь руку поднимал всё больше один мальчик – такой смуглый, черноглазый, как его...

– Горюнов.

– Да. И ещё Гай – этого я знаю, его брат у нас в восьмом классе. А вот рядом со мной сидел мальчуган, так он просто не успевал следить за вашими вопросами. А вам, наверное, казалось, что понятно всем. Вы хорошо объясняете, но, не успев закрепить, двигаетесь дальше. Я боюсь, не забыли бы вы о повседневной, черновой работе. Если приучите ребят к таким вот особенным, развлекательным урокам, они будут ждать чего-то из ряда вон выходящего и с неохотой станут заниматься простыми, будничными упражнениями.

– Но ведь уроки не должны быть скучными?

– Нет, конечно. Нужно научить детей видеть интересное и в обычной работе... Скажите, – вдруг перебил себя Анатолий Дмитриевич, – какие ошибки делают ваши ученики?

– Как «какие ошибки»? Всякие...

– На какое правило ошибок больше всего? На безударные гласные? На сомнительные согласные?

Этого я не знала. Я помнила, что у меня десять двоек за диктант, но не могла сказать на память, у кого из ребят какие ошибки.

– А это очень, очень важно, – заметил Анатолий Дмитриевич.

СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ...

Да, это было очень важно. Я поняла это, когда в следующем диктанте Ваня Выручка написал «ночное» через «а». А казалось, он теперь твёрдо должен был знать, как внимательно надо думать над смыслом слова, над тем, каков его корень. Я увидела, что понимание и навык не одно и то же. Можно понимать, знать, а рука тем временем всё-таки пишет своё, привычное.

По совету Анатолия Дмитриевича, я стала приглядываться к ошибкам каждого. Теперь я знала, что у Выручки неладно с безударными гласными, у Лабутина – с падежными окончаниями, а Глазков просто рассеян и невнимателен – отсюда «курзинка» и «малчик». Поняв, у кого какое уязвимое место, я почувствовала себя увереннее, как врач, который сначала вздумал лечить своих пациентов одинаково от всех болезней, а потом разобрался, что глаз, ухо, печень, сердце и лёгкие – совсем разные вещи!

Да, в те первые дни и недели всему приходилось учиться. Вот, к примеру, сорок пять минут урока – как с ними быть? Готовилась я изо всех сил, старалась рассчитать каждую минуту, но мои расчёты постоянно нарушались. То быстро всё расскажу, повторю с ребятами, а глядишь – до звонка ещё двадцать минут, и не знаешь, чем их заполнить. В другой раз, кажется, и оглянуться не успела, не рассказала и половины

того, что хотела, — уже звонок...

Программу первой четверти по русскому языку я прошла с классом в один месяц. Мне казалось: я толково всё рассказываю, ребята хорошо понимают, но потом я снова убеждалась, какой длинный и трудный путь от понимания до навыка. Поняла я и другое: надо думать не только о тех, кто соображает быстро, ловит объяснения на лету. Надо помнить о тех, к кому приходится обращаться не раз и не два, прежде чем убедишься; да, теперь он понял. Снова и снова мой красный карандаш изгонял из тетрадей неправильные окончания, лишние мягкие знаки, и снова я спрашивала Ваню: «Так какой же корень в слове «лесник»?»

Или выходил к доске Серёжа Селиванов, способный, неглупый мальчуган, и начинал, спотыкаясь и перевирая, не соблюдая знаков препинания, читать «У лукоморья дуб зелёный»:

Там на невиданных дорожках
Следы невидимых зверей...

Нет, не так!

...на невидимых дорожках
Следы невиданных зверей... —

поправлялся он под смех всего класса. Под конец он безнадёжно запутывался и умолкал, беспомощно глядя на меня.

И тогда я рассказала ребятам историю, памятную мне с детства. В одной книге, название которой я уже забыла, рассказывался такой случай. Одному мальчику велено было выучить басню «Волк и Ягнёнок». Заткнув пальцами уши, нагнувшись над книгой, он по двадцать раз безнадёжным тоном повторял одни и те же слова: «Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться... Ягнёнок в жаркий день... Ягнёнок в жаркий день... в жаркий день...», но слова никак не укладывались в памяти: то одно, то другое ускользало, и приходилось начинать сначала.

К этой унылой зубрёжке прислушался другой мальчуган. «А я уже знаю», сказал он немного погодя и без запинки прочёл наизусть всю басню. И он объяснил удивлённому приятелю, каким образом ему удалось так быстро и легко всё запомнить: «Ты повторяешь слова и не думаешь, что они означают. А я, когда читаю, стараюсь представить себе всё, что описано в басне. Жаркий день – значит, солнце печёт, трава зелёная, и ручей течёт и журчит. А рядом густой, тёмный лес, из него выходит голодный волк – тощий, злой, зубастый. Увидел ягнёнка на берегу, обрадовался – и к нему! А ягнёнок весь белый, глаза круглые – испугался. Я так всё себе вообразу, будто на картинке, и потом уже не забуду, не спутаю».

Пока он всё это говорил, первый мальчик тоже ясно увидел и волка, и ягнёнка, и их встречу у ручья. Все слова стали на места, наполнились живым и понятным значением, и

басня быстро запомнилась вся целиком...

– Про волка и ягнёнка – это легко представить, а как представишь невиданных зверей?... Ведь их никто не видал, – возразил Серёжа.

– Давайте попробуем представить себе, какие они, – предложила я.

После небольшого раздумья поднял руку Саша Гай:

– Неведомые дорожки – это, значит, по ним никто людей не ходил, никто их не знает, они заросшие, загадочные такие. А невиданные звери – это звери из сказок. Вот учёный кот. Конёк-горбунок, какие-нибудь необыкновенные звери с двумя головами. И жар-птица...

– Какой же жар-птица зверь? – критически заметил кто-то.

– Ну, не зверь, а всё-таки невиданная птица, сказочная. Конечно, она там тоже есть.

Саша положил начало: после него ребят уже трудно было остановить: каждый добавлял свои подробности к описанию невиданных, небывалых зверей. И потом, читая пушкинские строки, никто уже не путался и не называл зверей невидимыми, а дорожки невиданными.

ПАРТИЯ В ШАХМАТЫ

Раз после уроков я увидела, что кое-кто из ребят не уходит: собрались вокруг парты Горюнова. Толя вытащил шахматную доску и расставляет фигуры.

– Кто из вас играет? – спросила я, подойдя ближе.

– Я, – ответил Толя. – И вот Саша, – кивнул он на Гая, – и Глазков.

– Можно мне попробовать? – спросила я.

Ребята переглянулись, и Толя, по обыкновению краснея, ответил:

– Пожалуйста, Марина Николаевна. Вы с кем будете играть?

– Хочешь, сыграем с тобой?

Мы перенесли доску на мой стол, уселись друг против друга, ребята тесно окружили нас – и сражение началось. Толя оказался серьёзным противником – толковым, расчётливым, осторожным. Я играла немногим лучше его и неожиданно почувствовала, что волнуюсь. Во-первых, мне казалось, что все симпатии на стороне Толи, все желают ему удачи, а это много значит – отношение окружающих! Притом я вдруг поняла, что от исхода этой партии многое зависит, и решила, что мне просто необходимо выиграть. Сдвинув брови, плотно сжав губы, мой противник изучал доску. Рядом стоял его приятель Саша Гай, и на его лице отражалось всё, что про-

исходило на поле боя. Он так переживал каждый Толин ход, словно это его, а не Толю ожидали победа или поражение.

Я не очень-то могла наблюдать за окружающими, но не заметить, как ведёт себя Боря Левин, было невозможно. Он «болел» за того, кому изменяло счастье. Он не столько радовался хорошим ходам, сколько огорчался, если кто-нибудь из нас делал неправильный, по его мнению, ход. Стоило мне или Толе взяться за фигуру, как раздавалось полное отчаяния «Эх!..». В иные минуты он даже отворачивался, не в силах смотреть на наши действительные или воображаемые промахи.

– Ты мешаешь, – сдержанно сказал наконец Толя. – Раз не можешь смотреть спокойно, уходи.

Боря присмирел.

Через некоторое время я, сманеврировав своим чёрным конём, сняла Толиного слона. Положение белых усложнялось. Я посмотрела на серьёзное лицо Толи, на морщинку, залёгшую у него меж бровей, и сквозь невольный азарт игры вдруг подумала: «Зачем я так стараюсь выиграть? Ведь он совсем мальчик. Даю же я иной раз Гале обыграть меня в шашки. Он огорчится, а для меня проигрыш – не велика беда».

Был мой ход – он, повидимому, решал судьбу партии: вслед за слоном я могла заставить Толю пожертвовать ладьёй, и тогда... Но я стала сосредоточенно разглядывать противоположный угол доски, словно обдумывая какую-то со-

всем новую комбинацию, и пошла пешком, давая Толе возможность воспользоваться неожиданным преимуществом. Но он посмотрел на меня с таким откровенным изумлением, что мне стало неловко, а присмиревшие было ребята зашевелились, и кто-то разочарованно прошептал: «Поддаётся...»

– Вы ошиблись, Марина Николаевна, – сказал Толя. – Возьмите ход обратно.

– Я сама виновата, впредь буду осторожнее, – возразила я, чувствуя, что тоже краснею.

Но Толя не воспользовался моим великодушием, он не хотел победы, добытой по милости уступок и снисхождений. Он сделал какой-то нейтральный ход, и тогда я пошла так, как собиралась прежде. Белые сделали ещё несколько попыток защититься, но тщетно: через несколько ходов стало ясно, что положение их безнадёжное.

– Мат! – хором сказали ребята.

Толя поднял на меня тёмные глаза и вдруг расплылся в широчайшей улыбке. Все шумно вздохнули, и начался обычный в таких случаях разговор: «А вот если бы Горюнов догадался...», «Если бы Марина Николаевна пошла той пешкой...»

Я взглянула на часы: партия длилась сорок минут. Если бы я разговаривала с Толей сорок минут подряд, узнала бы я о нём больше, чем сейчас? Едва ли.

«СПЕРВА Я ДАЛ ЕМУ СДАЧИ...»

Как-то на перемене дежурный педагог Елена Михайловна подвела ко мне двух мальчуганов – моего ученика Боря Левина и ещё одного, незнакомого. Оба были взлохмаченные, красные. Боря – тот походил на драчливого петуха: весь взъерошился, и даже его короткие светлые вихры как-то задорно встали дыбом.

– Ваш Левин ведёт себя возмутительно, – услышала я. – Ни за что ни про что избил Женю Волкова – я сама видела, как он налетел на него.

– Что случилось? – спросила я у Левина и услышала непостижимый ответ:

– Сперва я дал ему сдачи...

– Сдачи дают не сперва, а в ответ, – едва сдерживая улыбку, сказала Елена Михайловна. – С этого не начинают.

Так мы с нею ничего и не добились. Каждый пытался убедить нас, что он прав, но доводы обоих были сбивчивы и туманны.

Левин был задира и вспыхивал по всякому поводу: он сердился на неугодных ему персонажей книги, на дождь, который опять помешает после уроков гонять мяч во дворе, на оборвавшийся шнурок башмака. Входя в класс, я то и дело слышала: «У, чёрт!» или: «Вот как дам!»

Но на уроках Боря не мешал; напротив, учился он с упо-

ением. На его подвижном, щедро позолоченном веснушками лице я всегда могла прочесть отражение своих мыслей: он думал вместе со мной и так сильно переживал всё, что я рассказывала, словно это происходило с ним самим.

По географии мы начали проходить тему «Картины природы и жизни населения СССР». Через десять дней Левин принёс мне тетрадь, в которой описал все зоны, хотя я успела рассказать только о полярной зоне и о тундре. Он прочёл весь учебник, от корки до корки, и не просто переписал приметы каждой зоны, но совершил воображаемое путешествие.

Каждый новый раздел в тетрадке начинался с того, что Боря пересаживался на какой-нибудь новый вид транспорта. «Я мчусь на оленях, – писал он. – Вокруг, насколько видит глаз, расстилается снежная равнина. Это тундра. Резкий ветер свистит в ушах, не даёт вздохнуть. Но что это? Словно разноцветные прожектора ходят по небу». Далее следовало описание северного сияния, которое, вероятно, очень удивило бы полярников: Боря описывал его совсем как салют на Красной площади.

«Я пересаживаюсь на самолёт – и вот я в тайге...» читала я. «За плечами у меня охотничье ружьё», говорилось дальше. В следующей главе сообщалось: «Мне уже не нужна тёплая меховая одежда. Я еду на верблюде». Так он побывал в Донбассе и в Заволжье, в Артеке и на Сахалине – я едва успевала следить за пейзажем, за встречами, за описанием

климата, растительности, животного мира. И всюду у него оставалась та же горячая, убедительная интонация очевидца.

– Ты уже проглотил весь учебник, чем же ты будешь заниматься на уроках географии? – спросила я.

– Мне всё равно интересно, – ответил он, энергично мотнув головой.

И это была правда. О чём бы я ни рассказывала, Боря всегда находил, что добавить. Обо всём он говорил так, точно видел это своими глазами.

– Около города Кировска есть опытная сельскохозяйственная станция, так там, в таком холодище, на мёрзлом болоте, выращивают картофель, капусту – и клубнику даже! – объявлял он с воодушевлением. – Вот такие ягоды, – добавлял он несколько менее уверенно, пальцами показывая, каких именно размеров клубнику выращивают на Севере.

Память у него была цепкая, надёжная. Неожиданно он с увлечением цитировал большие отрывки из каких-то неизвестных мне книг:

– Двадцать лет назад хибинские края были пустынно – одна тундра, лес и камень. А теперь на этом месте, на берегу синего озера, вырос город Кировск, прямо как в сказке. Тут и телефон есть, и телеграф, заводы, фабрики, рудники, школы, техникумы. А на горе кольцо зелёного камня – апатита. Это из-за него тут всё оживо. Хибины – это мне... (он запинается, но верная память выручает, и он залпом, всё с тем же воодушевлением выпаливает трудное слово) ...ми-

нералогический рай! Каких там нет камней! Есть красные, называются эвдиалиты – про них есть сказка, что это капли запёкшейся крови. А ещё есть зелёные эгирины, фиолетовые плавиковые шпаты. И ещё сфены – они как золото!

Правда, о многом рассказывала и я, о многом говорилось в учебнике. Но о «минералогическом рае» ни я, ни учебник не упоминали. Ссылаться на источники Боре и в голову не приходило: всё прочитанное он тотчас усваивал и уже воспринимал как своё.

ЗАСТУПНИК

Очень интересовал меня Лёша Рябинин. Плотный, крепко сбитый, он был неразговорчив и незаметен, но я видела, что остальные слушаются его беспрекословно. Дежурит кто-нибудь, из сил выбивается – никак не выгонит ребят в коридор, а Лёша только бровью поведёт – и всех словно ветром выдует из класса. Он ничем не выделялся среди других, разве только ростом: он был самый высокий и, повидимому, самый сильный в классе.

Как ни странно, я скоро обнаружила в нём нечто общее с Борей Левиным. Раз, выходя из школы, я услышала во дворе шум. Подошла к возбуждённой кучке ребят и увидела, что всегда спокойный Лёша ухватил за шиворот Чеснокова и трясёт его изо всех сил, сквозь зубы повторяя:

– Попробуй ещё, тогда узнаешь! Вот попробуй!

Увидев меня, он не выпустил Чеснокова, но трясти перестал.

– Что у вас тут происходит? – гневно спросила я.

Рябинин молчал.

– Я спрашиваю, что случилось? Почему ты бьёшь Чеснокова? Что он сделал?

– Пускай сам скажет, что он сделал, – неохотно ответил Лёша.

– Говори, – обратилась я к Чеснокову. Тот молчал, глядя

в сторону. Молчали и остальные.

– Так в чём же всё-таки дело? – повторила я.

И тогда в круг вступил Юра Лабутин:

– Марина Николаевна, Рябинин не виноват. Он за меня заступился... Меня Чесноков косым дразнит, – добавил он тише.

Рябинин отпустил Чеснокова, взял из рук Гая свою шапку и надвинул её на самые брови. Только после этого он заговорил:

– Я ему добром говорил, Марина Николаевна: отстань от Лабутина, не приставай, не трогай. А он всё своё: то косым, то очкастым. Лабутин и очки перестал носить. А если он очки носить не будет, у него косина не пройдёт. Так доктор сказал.

– Так дело было? – спросила я Чеснокова.

– Да... – тихо ответил он.

– И не стыдно тебе?

Он опять промолчал.

– Мы все ему говорили, – раздался голос Гая. – Лабутин виноват, что ли, что у него глаза больные? Чего ж его дразнить!

– Я больше не буду, – не поднимая головы, ответил Чесноков.

СТРАНИЦА ЗА СТРАНИЦЕЙ

Что может быть проще устного счёта? Всего то десять минут в начале урока арифметики. Но стоит в эти десять минут присмотреться к ребятам. Рябинин считает спокойно, глядя на доску, чуть шевеля губами. Он поднимает руку одним из последних, но я не помню, чтобы он хоть раз ошибся. Лабутин же тянет руку, едва я успеваю договорить. И ошибается в трёх случаях из пяти. Трофимов незаметно старается решить письменно. Раз я подошла и молча положила свою руку на его плечо – он покраснел и быстро спрятал бумагу. Кира Глазков и тут верен себе: когда весь класс делит, он умножает; когда все складывают, он вычитает. Поэтому я смотрю на него особенно пристально и внушительно повторяю: «54 умножить на 15. Слышишь, Кира? Умножить!» И он улыбается и кивает в ответ.

Киру Глазкова я на первых порах запомнила по нелепым ошибкам в тетрадке: при виде его я сразу вспоминала «курзинку» или что-нибудь в этом роде. Рассеян он был необыкновенно. Однажды, когда он решал задачу у доски, у него получилось, что в классе было $40\frac{1}{2}$ учеников. Он так и написал: «Ответ – $40\frac{1}{2}$ человек». И только громкий хохот всего класса заставил его посмотреть на доску внимательней.

– О чём ты размышляешь всё время? – спросила я, с трудом удерживая улыбку при виде его озадаченной физионо-

мии.

– Он марки собирает! – ответил за Киру Саша Гай,
«Опасное увлечение!» подумалось мне. Это я помнила по своим школьным годам: иной начнёт собирать марки и забудет всё на свете.

Боря от приёмов устного счёта приходит в неподдельный восторг, как будто я учу его творить настоящие чудеса. Например, я объясняю, что для умножения двузначного числа на сто один надо мысленно написать множимое дважды (скажем, $44 \text{ г } 101 = 4444$). И вот Боря на всех переменах множит двузначные на сто один. Иногда он проверяет результат на бумаге и всякий раз в новом приливе восторга кричит: «Получилось! Верно!»

Или придумывают ребята предложения на какое-нибудь грамматическое правило. У Чеснокова почти всегда те же предложения, какие приводила в пример я. А у Саши Гая всегда что-нибудь своё, и если надо придумать несколько предложений, они обычно связаны между собою, так что получается как бы маленький рассказ. Вот как он, например, просклонял слово «медведь»:

«Захотелось медведю (дательный) отведать мёду. Нашёл медведь (именительный) улы и уже хотел полакомиться. Увидали пчёлы медведя (винительный), налетели на него и стали жалить. Не хватило у медведя (родительный) терпения, и бросился он наутёк. Так расправились пчёлы с медведем (творительный). Вот и весь рассказ о медведе (предлож-

ный)".

Или я нахожу в его тетрадке такой грамматический разбор:

«Астрономия (подлежащее) очень интересная наука (сказуемое). Я (подлежащее) хочу (сказуемое) стать астрономом. Если я (подлежащее) открою (сказуемое) новую планету, то назову её «Коммунизм».

Володю Румянцева я первое время мысленно называла «Мы с Андрюшей». Румяный, круглолицый, с блестящими карими глазами, он сидел на одной парте с худым, бледным молчаливым Андреем Морозовым. Куда бы мы кого ни выбирали, Володя неизменно кричал: «Морозова!» Что бы он ни делал, о чём бы ни рассказывал, он всегда начинал одинаково: «А вот мы с Андрюшей...» А я про Андрюшу могла пока сказать только одно: безукоризненно грамотен, очень аккуратен, отличный ученик.

Отвечая урок, Андрюша точно, добросовестно излагает учебник, а Толя Горюнов всегда говорит своими словами, добавляя то, что слышал от меня на уроке или узнал из других книг.

Да всего не перечислить! Но всё, что происходит в классе, на перемене, во время уроков и после них, – всё для меня как новая книга, где всякая страница приносит что-то новое и интересное. И с каждым днём я видела, что становлюсь наблюдательнее, начинаю обращать внимание на такие мелочи, которых прежде, конечно, не заметила бы.

ДЕСЯТЬ ПЛЁНОК

На переменах я обычно не уходила в учительскую, а оставалась в коридоре у окна; ребята окружали меня, и мы разговаривали сразу о тысяче вещей. Нередко после такого разговора я шла в библиотеку и спрашивала «Занимательную физику», или «Спутник следопыта», или ещё какую-нибудь книгу, которую ребята, оказывается, знали чуть не наизусть, а я совсем не читала. Прочитав «Занимательную минералогию» Ферсмана, я узнала целые страницы, которые пересказал нам на уроках географии Боря: свои сведения об эгиринах и плавиковых шпатах он черпал именно отсюда.

Однажды Лабутин спросил меня, почему листья осины всегда дрожат, и только звонок, возвестивший начало урока, спас меня от позора. Вечером я села за книгу Дмитрия Кайгородова «Рассказы о русском лесе» и тут-то поняла, что, всей душой любя лес, зная о нём множество стихов и рассказов, самого леса я не знаю совсем. Деревья, их особенности и привычки, живая жизнь леса – обо всём этом я узнала много нового, неожиданного.

Прежде мне казалось, что преподавать в начальной школе может каждый грамотный человек и уж мне, с моим высшим образованием, это, во всяком случае, будет нетрудно. А оказалось другое: хочешь учить по учебнику, слово в слово, – пожалуйста, тогда вполне хватит того, что ты знаешь. Но ес-

ли отвечать на все «почему» и вызывать новые «почему», тогда надо неукротимо читать, искать, смотреть во все глаза, и с каждым разом станешь убеждаться: мало ты знаешь!

И ещё я замечала: чем больше узнаю сама, тем больше хочется знать ребятам. Вот сегодня я рассказала им о нашем Севере; завтра несколько человек приносят виды северной природы, книгу о челюскинцах, о папанинцах. Серёжа Селиванов вылепил из коричневого пластилина юрту, Витя Ильинский сочинил стихи.

Однажды, когда мы прочитали «Ваньку» Чехова, произошёл забавный случай. Я принесла в класс аллоскоп, и рассказ ожил. Вот скамья, на ней лист бумаги, рядом мальчуган на коленях. Новая картинка: дед Константин Макарыч, весь закутанный в широчайший тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в колотушку. Дальше – хозяйка бьёт Ваньку по лицу селёдкой. На следующей картинке – лес, молодые ёлки, укутанные инеем; дедушка с Ванькой приехали срубить ёлку для праздника.

И вдруг вспыхнула плёнка аллоскопа. Видимо, лампочка была слишком близко от объектива. Я мигом выдернула штепсель, но плёнка сгорела. Ребята были в отчаянии. На перемене они окружили меня и все в один голос кричали, что непременно надо досмотреть историю Ваньки Жукова.

– Другой такой плёнки у меня нет, – объяснила я.

Ребята не стали больше спрашивать, не сговаривались между собой, но на другой день я неожиданно оказалась об-

ладательницей десяти плёнок с историей Ваньки Жукова. Выяснилось, что чуть не весь класс спозаранку отправился на поиски плёнки, и десяти ребятам посчастливилось найти её. Каждый из них, входя в класс, торжественно объявлял:

– Марина Николаевна, а у меня есть...

– Плёнка! – хором кричали остальные.

Да, это было хорошо! Постепенно между мной и классом возникала близость, понимание, чувство взаимного интереса.

Но, несмотря на то что работа моя как будто ладилась, я чувствовала себя скверно. Главной причиной моего огорчения были братья Воробейко и Коля Савенков,

КАК ПОСТУПИТЬ?

Сначала расскажу о Коле.

Он мне почему-то сразу не понравился.

У него были маленькие, глубоко посаженные глаза и большие оттопыренные уши.

Должно быть, от привычки высоко поднимать брови на лбу у него прорезались глубокие морщины; лицо его было угрюмо и неприветливо.

В первые дни Коля Савенков безучастно сидел на задней парте и, казалось, не обращал на меня внимания. А я время от времени поглядывала в его сторону и невольно настораживалась.

– Нельзя приходить в школу с такими грязными ногтями, – сказала я ему однажды.

– Подумаешь! – буркнул он.

Я вспыхнула:

– Разве можно так разговаривать с учительницей?

– А чего? Я ничего не сказал, – ответил он равнодушно и отвернулся.

– Я не стану проверять твои тетради, – сказала я в другой раз. – Посмотри, какие они мятые, грязные. В руки взять – и то неприятно!

– Ну и не надо. Не берите.

Я даже не могу сказать, что Савенков отвечал грубо, – нет.

В его тоне звучало холодное равнодушие. Всем своим видом он словно говорил: «Мне всё равно, существуешь ты на свете или нет. Не приставай ко мне».

В первое время Савенков даже не мешал. Чаще всего он просто смотрел в окно или строгал что-нибудь перочинным ножом. Но однажды во время урока он пустил бумажного голубя. Я рассердилась и резко отчитала его.

Савенков спокойно выслушал выговор и всё время смотрел мне в лицо холодными, испытующими глазами. Ему как будто доставляло удовольствие, что я из-за него сержусь, волнуюсь, прерываю урок.

На другой день во время урока он вдруг встал и неторопливо прошёлся по классу. Я велела ему сесть. Он лениво, через плечо, поглядел в мою сторону и так же неторопливо вернулся на место.

С тех пор не проходило дня без того, чтобы Савенков не досадил мне какой-нибудь выходкой. Мне казалось, что он преследовал одну цель: огорчить, обидеть, рассердить меня. Во время перемен он носился по коридору или начинал прыгать через парты, и дежурные никак не могли выпроводить его из класса. На уроках, смотря по настроению, он либо дремал, либо пускал бумажных голубей. За весь сентябрь он не выполнил ни одного домашнего задания, ни разу не ответил как следует у доски. Чаще всего он и не выходил к доске, а когда я называла его фамилию, с места угрюмо и вызывающе заявлял, что уроков не готовил. И не раз, похвалив кого-ни-

будь из ребят за удачный ответ, за хорошо прочитанное стихотворение, я ловила на себе злой, враждебный взгляд Савенкова.

Надо отдать ребятам справедливость: они старались помочь мне, останавливали Савенкова.

– Ну, что ты носишься бестолку? – спрашивал Рябинин.

– А твоё какое дело!..

– Не мешай слушать, – негромко просил Горюнов.

– Подлиза! – отрезал Савенков.

– Замолчи сейчас же, а то получишь! – горячился Левин.

– Посмотрим ещё, кто получит...

Такой ответ, как правило, сопровождался тупаком.

Что тут было делать?

Помню, в лекциях по педагогике нам не раз говорили, что в подобных случаях надо как можно скорее поручить ученику какую-нибудь ответственную работу.

И я предложила ребятам избрать Колю Савенкова классным организатором.

Скажу по совести: их очень удивило это предложение. Но они не стали спорить.

Коля был избран, и скоро мы убедились, что это не произвело на него ни малейшего впечатления.

– Ты составил список дежурств? – обращалась я к нему.

– Пускай Гай составляет, он самый аккуратный, – угрюмо отвечал Николай.

– Сведи, пожалуйста, ребят в раздевалку, – говорила я.

– Сами сойдут, не маленькие.

В перемены, стоя с ребятами у окна, я не раз замечала, что Савенков прислушивается, точно хочет подойти и принять участие в нашем разговоре.

Но, встретив мой взгляд, он тотчас делал независимое лицо и выкидывал какой-нибудь из своих обычных «номеров»: свистел, с гиканьем врзался в толпу ребят или начинал ломиться в класс, куда во время перемены входить не разрешалось.

Он попрежнему не слушал ни меня, ни кого-либо другого. Он не выполнил ни одного моего поручения и не утруждал себя приготовлением уроков.

– Тебя, видимо, придётся исключить из школы, – говорила я.

– Ну и исключайте! – отвечал он.

– Савенков, выйди сейчас же из класса! – иной раз говорила я, доведённая до отчаяния его возмутительным поведением.

– Ну и пойду! – угрюмо заявлял он, забирал сумку и отправлялся домой.

Я не видела выхода, не знала, как быть.

Я вспоминала свои школьные годы, свою учительницу – она вела нас с первого класса по седьмой. Мы попали к ней восьмилетними малышами, а простились в пятнадцать лет. Она была для нас самым лучшим человеком на свете, самым умным, справедливым и добрым. Мы слушались её беспре-

кословно – да, пожалуй, это нельзя назвать послушанием, тут было нечто другое. В каждом слове Анны Ивановны, в каждой мелочи мы чувствовали её правоту, мы понимали: нужно поступить только так, как ждёт она от нас.

И теперь я пыталась понять: чем же завоевала нас Анна Ивановна? Что это было такое – неуловимое и покоряющее? Уловлю ли я этот секрет, овладею ли им?

Мучительно доискиваясь, как быть с Колей Савенковым, я вспомнила поразивший меня когда-то случай. Это было ещё во время войны. В школе, где я проходила педагогическую практику, в четвёртом классе один мальчуган, паясничая и кривляясь, выкрикивал «Хайль!» в подражание какому-то персонажу из фильма «Похождения бравого солдата Швейка». Остальных это ненавистное словечко раздражало, они просили мальчика перестать, но он никак не мог уговориться. Войдя в класс, преподавательница услышала это. И тогда она сказала детям:

«Встаньте все, у кого отец, мать, сестра или брат находятся сейчас на фронте».

Встало десятка полтора ребят.

«Встаньте, у кого кто-нибудь из родных вернулся с фронта инвалидом».

Снова поднялось несколько человек.

«Встаньте те, у кого отец погиб на войне».

В глубокой, напряжённой тишине встали три мальчика.

«Видишь, – сурово сказала учительница, в упор глядя на

озорника, – вот кого ты обижал своим нелепым выкриком, вот кого ты осмелился оскорбить! Ты должен извиниться!»

Мальчик опустил голову.

Вспоминая это, я подумала: «Вот я с Савенковым прямо и резка, а к чему это приводит? С каждым днём он ведёт себя всё хуже и хуже. Нет, не умею я найти выход».

И такие это были для меня тяжёлые дни, что иной раз и в школу идти не хотелось.

Я понимала: нужно поговорить с Анатолием Дмитриевичем, но самолюбие не позволяло. Что же, не успела начать, а уже прошу помощи? И я старалась не слишком часто попадаться ему на глаза, а встречаясь где-нибудь в школьных коридорах, поскорее проходила мимо. Он бывал у меня на уроках, хвалил за то, что ребята спокойно сидят и с интересом слушают.

Советы его всегда бывали просты: «Разве вам не говорили, что задавать вопрос надо всему классу, чтобы все думали над ним, а потом уже вызывать ученика? Ведь вы как делаете: «Саша, какие существительные относятся к первому склонению?» Вот у вас и думает один только Саша Гай, а остальные полагают, что первое склонение их вовсе не касается».

Когда Анатолий Дмитриевич заходил в класс, Савенков сидел смирно. Это глубоко возмущало меня. «Какая трусость, – думала я: – завуча он боится и при нём помалкивает, а со мной чувствует себя безнаказанным».

САМОЕ ГЛАВНОЕ

– Знаете, – сказал как-то Анатолий Дмитриевич, – походите-ка вы на уроки к Наталье Андреевне. Она чудесный человек и талантливый педагог. И ведь опыт огромный – шутка ли, сорок лет человек отдал школе! Поглядите, послушайте, вам будет интересно.

Но я не пошла. Сейчас даже понять этого не могу, но во мне говорило странное упрямство и желание найти выход, найти самой, чего бы это мне ни стоило.

Как-то Наталья Андреевна подошла ко мне в учительской и сказала ласково:

– Можно побыть у вас на уроке?

– Конечно, – ответила я.

Она пришла – и не раз, не два. Садилась на задней парте и слушала, смотрела. Правду сказать, я не очень люблю, когда на уроке у меня сидят посторонние. Это неумовимо, но ребята ведут себя как-то иначе: мы с ними уже не остаёмся с глазу на глаз, и невольно, должно быть, они, как и я, чувствуют себя связанными присутствием чужого, стороннего человека. Но когда в класс приходила Наталья Андреевна, этого почти не было. От неё веяло такой доброжелательностью, таким спокойствием! Она от души смеялась, если я или ребята шутили, внимательно слушала их ответы и одобрительно кивала, если ответы были хорошие. Мне она говорила: «Это

славно, что вы ребят называете по именам», или: «А вы замечаете, вон тот мальчуган всё молчит и молчит. Почему это он у вас такой неразговорчивый?»

Однажды она попросила:

– Расскажите мне поподробнее о своих ребятах.

Я рассказала ей о Горюнове, Левине, Гае. Рассказала и о Савенкове. Она слушала очень внимательно, то сдвигая брови, то сдержанно постукивая пальцами по краю парты, и я видела: она живо принимает к сердцу мои волнения и огорчения. Потом она сказала:

– Приходите ко мне, я вам тоже о своих расскажу.

Я стала бывать у неё. В классе у Натальи Андреевны всегда царило оживление, какое создаёт только дружная, слаженная работа. Посидеть на её уроке, послушать, как разговаривает она с ребятами, как охотно и толково они отвечают, было по-настоящему радостно. И в такие часы у меня было какое-то неясное чувство, словно всё это когда-то уже было со мною. Не сразу я поняла: это было в школьные годы; вот так же радостно и интересно бывало нам на уроках Анны Ивановны.

Ещё интереснее, чем самые уроки, оказались рассказы Натальи Андреевны о её ребятах. Слушая её, я узнавала о них такие подробности, какие могут быть известны только самому близкому человеку – пожалуй, только умной и наблюдательной матери. И я заметила: с особенным оживлением и любовью Наталья Андреевна говорит не о самых луч-

ших и примерных учениках, но о тех, с которыми трудно.

Один из её ребят год прожил в оккупированной местности. Однажды фашист для чего-то велел ему принести топор. Мальчуган испугался: «Зарубит» – и лишился речи.

Ноги у него тоже отнялись. Выздоровел он не сразу и не до конца – остался заикой. В первый класс он поступил с двухлетним опозданием – ему уже минуло девять лет. На уроках он сидел молчаливый, безучастный и со слезами на глазах смотрел в окно, ожидая, когда за ним придёт мать. Чувствовалось: он очень стесняется, что он такой большой – не только старше всех, но и выше всех чуть ли не на голову.

Наталья Андреевна стала подчёркивать это как достоинство. «Вот Витя у нас самый высокий, он поможет повесить картину», говорила она. «Витя, ты выше всех, помоги мне достать книги с верхней полки». Зная, что мальчик мучительно смущается, когда его неожиданно спрашивают на уроке, она старалась предупредить его взглядом или какой-нибудь случайной фразой: «Напишем сейчас вот это предложение, а потом Витя расскажет нам...» И Витя успевал внутренне подготовиться.

Ни одна Витина удача не оставалась незамеченной, ни одна буква, которую Витя написал сегодня красивее, чем вчера, не была упущена. Исподволь, шаг за шагом Наталья Андреевна заставила мальчика самого поверить в свои силы.

Теперь Витя учился в четвёртом классе. Он постепенно выровнялся, подружился с учительницей, но всё ещё дер-

жался в стороне от товарищей.

– Понимаете, – рассказывала Наталья Андреевна, – ему мешало самолюбие. Он видел, что другие лучше учатся, бойчее, свободнее себя чувствуют. Надо было как-то поднять его в глазах класса. Нашёлся повод и для этого. Витя удачно нарисовал в тетрадке зимний лес и испуганного, скачущего во всю прыть зайца. Я велела ему перерисовать картинку на отдельном большом листе. Затем повесили её на доске и всем классом придумывали рассказ: что тут изображено, что было до того, как заяц испугался и поскакал по лесу, что случилось с ним потом... Раза два я сказала: «Это Витя хорошо нарисовал, выразительно. Поглядите, какие у зайца испуганные глаза, как он прижал уши! Мы уже давно не рассказывали по такой хорошей картинке». И что же? Мальчишки посмотрели на Витю с уважением, а человек становится сильнее, когда в него верят другие. Ведь правда?.. Но вот если в Вите надо было поддерживать каждую едва заметную попытку расправиться, поднять голову, оглядеться, то с Валец пришлось поступить совсем по-иному. Этот мальчуган пришёл в школу с твёрдым убеждением: «Я самый лучший. Я самый умный. Всё, что я делаю, хорошо». Конечно, это единственный сын. У меня в классе семнадцать единственных – прямо беда! Тут уж, знаете, корень зла не в самом Вале, а в Валиной маме – это она убеждена в превосходстве своего сына над всеми остальными детьми. А знаете, что я в этих случаях делаю? Приглашаю родителей в школу. Им совсем

не вредно побывать на уроках и убедиться, что их ребёнок не лучше и не хуже других. Очень полезно узнать, что некоторые дети читают более бегло и лучше считают в уме.

– А с Вале́й самим вы что делаете?

– С Вале́й? Я его не одёргиваю, не твержу всё время. «Не зазнавайся, не заносись», но встать над одноклассниками ему не позволяю. Вот он насорил и хочет, чтобы за ним убрал товарищ. Но нет, пусть уберёт сам! Вот он решил задачу раньше всех и победоносно оглядывается. А я ему: «Это хорошо, что ты задачу решил, но поля где? И почему так небрежно написал? Клякса на кляксе. И тетрадка у тебя помятая, неопрятная...» Знаете, с ним, пожалуй, ещё труднее, чем с Вите́й. Такой неровный и заносчивый характер! И надо выправить во-время, а то ведь все эти колючки и углы отвердеют, оформятся окончательно – вырастет человек плохим товарищем, плохим работником... Да... не просто это.

– Вот именно, – со вздохом ответила я.

– Ну, а те, кто учится хорошо, – благополучные дети, успевающие ученики? Вы думаете, с ними просто? Вот, к примеру, у Володи и Мити в тетрадях одно и то же – пятёрки. Табелки одинаковые. А ребята разные. Володин сосед опрокинул чернильницу, залил парту. Володя заставил его всё вытереть и вымыть, а мне ничего не сказал. А Митя? Тот поминутно руку тянет: «Наталья Андреевна, Коля измазал свою тетрадку! Наталья Андреевна, Коля просил у вас учебник, а у него есть свой!» А я его спокойно спрашиваю: «Разве ты Коля?

Коля мне всё сам скажет, если захочет».

Мы сидели с Натальей Андреевной в её пустом классе. Было уже темно, а мы всё не зажигали огня. Дождь стучался в окна, и мне, хоть я и слушала её с жадным вниманием, было очень грустно. Я понимала всё, что говорила Наталья Андреевна, и в то же время никак не могла решить самого важного, о чём непрестанно думала: как же мне быть с Колей? Вот она умная, талантливая, думала я, она всегда находит верный путь. А у меня нет этой искры, какого-то особого дара, я ничего не могу придумать – и ничего у меня не получится.

– Но что же, что же самое главное в нашей работе? – спросила я тихо. – Я понимаю, готовых рецептов нет, всякий раз нужно поступать по-разному. Но неужели же нет чего-то самого главного, что поможет даже в самом трудном, самом запутанном случае?

– Самое главное? – задумчиво повторила Наталья Андреевна. – Вот я вам расскажу такой случай. Работала у нас молоденькая учительница. Побывала я у неё на уроках. Как будто недурно. Уроки по всем правилам методики. Спрашиваю: «Хорошие у вас ребята?» – «Хорошие», отвечает. «Скажите, вон тот, на первой парте, что он собой представляет?» – «Прекрасный мальчик. У него одни пятёрки. Очень развитой и смыслённый». – «А тот, черноглазый, в голубой рубашке?» – «Это троечник, средний ученик. Но дисциплинированный». – «А вон тот, курносый, с веснушками?» – «А у

этого вообще четвёрки, но по арифметике ниже пяти не бывает»... И, понимаете, – продолжала Наталья Андреевна, – вдруг все эти ребята – черноглазые и голубоглазые, смуглые, светловолосые, веснушчатые, – все стали на одно лицо, и уже только одно отличало их: четвёрочник, троечник, двоечник, отличник... Ну, подумайте сами, разве можно охарактеризовать школьника одними отметками! Как будто отметка может исчерпать человека, будь он даже только восьми лет от роду! Вот это я ей и сказала. А она мне так спокойно: «У меня их сорок, не могу я знать каждого в отдельности». Я вам скажу: мне страшно стало. Как же работать с детьми, если не знать их? Как учить их – даже орфографии или таблице умножения? Сорок ребят – это сорок разных характеров, и тут, поверьте, нет двух похожих, которых можно спутать друг с другом. Учителю не знать своих детей – значит лишиться глаз и обречь себя на работу вслепую, без малейшей надежды на успех. Просто безумие какое-то!

Она помолчала, потом заговорила спокойно:

– Вы говорили, что ваш Савенков – очень испорченный мальчуган. И верно, в нём много неприятного: угрюм, резок, любит делать назло. А всё-таки приглядитесь к нему внимательней. Да вы дома-то у него были?

– Нет.

– Что вы! Непременно надо побывать.

– Я знаю, что надо. Но понимаете, Наталья Андреевна, у меня к нему очень неприязненное чувство. Ко всему, он

ещё трус: при Анатолии Дмитриевиче ведёт себя смирно, а только тот за дверь, опять начинает изводить весь класс и меня.

— Да, это тяжело, конечно, — медленно проговорила Наталья Андреевна, — но я уверена, в конце концов вы и его поймёте. Знаете, вот уже сорок лет я в школе — и не припомню случая, чтобы ничего, совсем ничего нельзя было сделать. Вот вы спрашиваете, что самое главное. Для воспитателя самое главное, самое важное — понять ученика. Бывает, беседуешь с учеником на уроках, на экзаменах, оцениваешь его знания, случается даже — даёшь ему характеристику и всё ещё по-настоящему ничего о нём не знаешь. И ждёшь, ловишь, подстерегаешь ту минуту, тот иногда непредвиденный случай, который откроет тебе сокровенное в человеке. В такие минуты, как под лучом прожектора, всё озаряется, всё становится ясно...

НОВЫЕ БАШМАКИ

Однажды мне дали ордера на обувь и одежду, надо было их распределить. Обычно мы с ребятами такие вопросы решали сообща: они лучше знали, кто в чём нуждается, и я прислушивалась к их мнению.

– У Савенкова башмаки совсем прохудились, – нерешительно сказал Саша Гай.

– Ну, Савенкову давать нельзя, – возразил Юра Лабутин. – Да он и сам не просит, понимает, что ему на ордер рассчитывать не приходится.

«А всё-таки дать надо», решила я. Савенков действительно ходил в рваных башмаках.

Когда он явился в школу (по обыкновению, опоздав на целый урок), я вручила ему ордер. Он посмотрел на меня с таким глубоким, неподдельным изумлением, что мне стало не по себе. Ордер он взял и на другой день пришёл в новых кожаных башмаках. Во время перемены я заметила, что его нет в коридоре, и приотворила дверь класса. Николай стоял у окна, поставив ногу на батарею центрального отопления, и бережно вытирал башмак носовым платком. Я тихо затворила дверь и медленно пошла в учительскую.

С трудом я закончила в этот день занятия и, не задерживаясь, пошла домой. Мне было глубоко, мучительно стыдно. Этот мальчишка раздражал меня, мешал мне. Я не любила

его, и он это знал. Ведь если вспомнить, он день ото дня вёл себя всё хуже. Не было ли это ответом на мою неприязнь? И почему я невзлюбила его с первого дня? Что я знала о нём, кроме того, что он угрюм, неприветлив, что у него грязные тетради и неопрятные руки? Ведь Савенков всего-навсего одиннадцатилетний мальчик. Как же я допустила, чтобы у нас началась эта глухая взаимная вражда? Почему у меня не нашлось для него приветливого слова? Как это могло случиться?

На другой день я пошла к Савенкову домой. Он увидел меня ещё во дворе, но не подошёл, не поздоровался, а только посмотрел угрюмо и подозрительно.

– Колька, к тебе учительница пришла, жаловаться будет! – услышала я за своей спиной.

Николай свистнул и с независимым видом умчался на улицу.

Я позвонила, и через минуту мне отворила дверь женщина лет тридцати пяти с хмурым, усталым лицом.

– Вам кого?

– Я к Савенковым... из школы.

– Из школы? – настороженно переспросила она. – Пожалуйста, проходите...

Я пошла за нею в конец скупно освещённого коридора. В небольшой опрятной комнате за столом сидела девочка лет шести, неуловимо похожая на Николая: то же скуластое лицо, те же серые глаза, только взгляд не такой хмурый и губы

совсем ребячьи – добрые, пухлые. Когда я вошла, она встала и выжидательно посмотрела на мать.

– Вы кто же будете? – спросила женщина, тоже с ожиданием глядя на меня. – Учительница?

– Да, я учительница вашего Николая. А вы его мать?

– Нет. Он мне пасынок. Мужа на войне убили, вот я и осталась одна с ними двоими.

Она сказала это просто, даже буднично, но я сразу почувствовала, что передо мною усталый, подавленный горем человек.

– Что, верно озорничает Николай? – спросила она.

– Да нет, я не потому, – ответила я. – Просто мне хотелось посмотреть, как он живёт.

– Ну, если будет баловать, скажите: его дядя ремнём поучит. Такой у нас порядок, он уж и сам знает. Вот в прошлый раз во дворе окно расколотил, так с ним дядя по-своему разговаривал. А дома он ничего, помощник. И за девочкой поглядит, и обед из столовой принесёт, и дров наколет.

Пока мы разговаривали, сестрёнка Николая подошла ко мне и стала рядом, внимательно прислушиваясь и переводя пытливый взгляд с матери на меня.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Лида.

– Любит она Колю, – мягко сказала мать. – Они у меня дружно живут. Он с нею в парк гулять ходит, сказки ей читает смешные... «Мойдодыра» какого-то... – Она помолча-

ла минуту, потом сказала тише: — Коля в отце души не чаял. Как пришла похоронная, он на себя стал не похож — почернел, с лица спал. А раньше весёлый был... Мы с ним про отца не говорим. А ей он рассказывает, какой папка был, да как ходил, да что говорил. Лида-то его совсем не помнит...

Женщина говорила всё это спокойно, негромким, ровным голосом. Слезы катились по её щекам; она не утирала их, а может быть, и не замечала. Я поспешно отвела глаза. Она прибавила:

— Мы ведь отца ждали, совсем приготовились встречать. Убили-то его за неделю до победы, а похоронная пришла уже после войны...

Я знала: надо бы ещё посидеть, порасспросить, но поняла, что сейчас не могу этого сделать. Ещё раз уверив Савенкову, что приходила не с жалобой, я распрощалась и ушла.

У дверей на лестнице поджидал Николай. Он в упор, со злостью посмотрел на меня, и в этом взгляде я прочла: «Нажаловалась? Рада?» Он подождал, пока я спустилась на несколько ступенек, потом решительно повернулся, вошёл в квартиру и с размаху захлопнул за собой дверь.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Назавтра я встретила с ним неподалёку от школы. Против своего обыкновения, он шёл медленно и, казалось, кого-то поджидал. Увидев меня, он приостановился, подождал, пока я поровняюсь с ним, и негромко сказал:

– Здравствуйте, Марина Николаевна...

– Здравствуй, – ответила я.

Мы вместе дошли до школы, молча поднялись наверх, в класс.

На уроке Николая не было слышно. Весь день я ходила с таким ощущением, словно случилось что-то важное и хорошее, хотя я и не могла бы точно определить, что именно.

На другой день, выходя из школы, я встретила Савенкова на улице; он прохаживался вдоль забора, засунув руки глубоко в карманы.

– Ты что тут делаешь? – невольно спросила я.

– Так... – ответил он неопределённо и зашагал рядом со мной.

Я сбоку поглядывала на него. Он, видно, о чём-то упорно думал – шевелил бровями, поджимал губы. Лицо его показалось мне сегодня не таким угрюмым и неприятным.

– Вы Лиду видели? – вдруг спросил он.

– Сестру твою? Как же... Очень на тебя похожа.

– Лицом?

– Ну да. Характера ведь я не знаю, его за один раз не разглядишь.

– Какой у неё может быть характер! – возразил Николай. – Она ещё маленькая.

Помолчали. И вдруг он сказал:

– До свиданья, Марина Николаевна, – и мигом свернул в проходной двор.

Я пошла дальше, озадаченная. Очень уж странный получился у нас разговор, и ещё более странно он оборвался. «Может быть, я что-нибудь не так сказала? Он, кажется, обиделся!» подумала я.

С тех пор почти каждый день Николай поджидал меня у школьных ворот и шёл со мною до конца нашего переулка. Разговор у нас почти всегда бывал односложный. Как-то за всю дорогу Николай произнёс только несколько слов:

– Вот, все говорят: мачеха, мачеха... и в книгах тоже... А она не такая. Она никогда не обидит.

Понятно, он говорил о своей мачехе. Но не успела я и рта раскрыть, как Савенков с обычным «До свиданья, Марина Николаевна» исчез за углом.

Если с нами шёл ещё кто-нибудь из ребят – а это бывало чаще всего, – Николай не говорил ни слова, и по лицу его нельзя было понять, слушает ли он наши разговоры или думает о своём.

Однажды, когда мы с ним шагали вдвоём в какой-то особенно дождливый и хмурый день, он предложил:

– Дайте я понесу тетради.

– Спасибо, – ответила я. – Только, пожалуйста, осторожно, чтоб не помялись.

Он бережно взял у меня толстый пакет.

– Марина Николаевна, а бывает так, что пришла похоронная, а человек жив? – В голосе Николая звучали и тоска и упрямая надежда. – Вот мне рассказывали: приезжает к одной старушке человек с фронта и говорит: «Вашего сына убили, я своими глазами видел». Ну, она плачет, спрашивает. Проходит месяц. Сидит она вечером одна в квартире, вдруг – звонок. Идёт она открывать, спрашивает: «Кто там?», а ей из-за двери: «Мама, откройте!» И вовсе не убили её сына, только ранили...

Николай замолчал и пристально посмотрел на меня.

– Бывает, – ответила я не сразу. – Всё бывает. Вот у меня погиб брат, я долго надеялась, что он вернётся. Но прошло уже три года... Видно, на самом деле погиб.

Мы стояли уже у моего подъезда – в этот раз Савенков не простился со мной на обычном углу.

– Зайди ко мне, – предложила я.

Он сначала отступил, а потом, вдруг, решившись, шагнул в дверь и, похлопывая ладонью по перилам стал подниматься за мной по лестнице. Поворачивая ключ в замке я заметила на его лице уже знакомое мне смущённое и сосредоточенное выражение.

– Раздевайся, садись, – говорила я через минуту, не глядя

на Николая.

Разложила по местам портфель, тетради и, захватив полотенце и мыло, вышла на кухню умыться.

Когда я вернулась, Николай стоял у книжного шкафа.

– Книг-то сколько! – сказал он, проводя рукой по стеклу.

– Выбери себе какую-нибудь, – предложила я.

Николай быстро взглянул на меня, густо покраснел и снова отвернулся к шкафу.

– Зачем, что это вы... – услышала я удивлённый, недоверчивый ответ.

– Возьми, – повторила я, открывая дверцу. – На память. Вот видишь: «Каштанка» Чехова. Эту книгу мне подарила когда-то моя учительница Анна Ивановна, и я берегу её до сих пор. Видишь, написано: «Марине на память о нашей крепкой дружбе за годы школьной жизни».

– Сколько же вам тогда было лет?

– Двенадцать.

– Как же вы дружили? Разве с учительницами дружат?

– Очень дружили! И до сих пор дружим, – ответила я. – Ну, выбирай, какая тебе нравится.

Николай неуверенно провёл рукой по корешкам и, остановившись на одном из самых толстых, вытащил... «Основы электротехники». Это была книга брата. Не сдержав улыбки, я сказала:

– Это, пожалуй, будет для тебя скучновато. Может, лучше вот эту? – И я протянула ему «Детство» Горького.

– Эту, – согласился Николай, краснея ещё больше; сунул книгу в выцветшую сумку от противогаза и направился к двери.

– Погоди, куда ты! – Я даже растерялась.

– Нет, я пойду. Спасибо, Марина Николаевна!

И не успела я ни удержать его, ни проститься толком, как он уже сбегал с лестницы, перепрыгивая через три ступеньки.

ДРАКА

На уроках он теперь сидел тихо – кажется, я могла бы забыть о нём, если бы, объясняя что-нибудь, не встречала его напряжённый, внимательный взгляд. Вскоре он принёс мне свою домашнюю тетрадь, в которую переписал уроки за последнюю неделю. Почерк оставался плохим: что ни буква, то кривобокое чудовище; зато не было ни одной кляксы, а поля были.

Обычно, кроме отметки, я писала в тетрадях несколько слов: «Чисто и аккуратно» или «Грязно», «Небрежно», «Не забывай о полях». Ребята, получив проверенную тетрадь, сейчас же смотрели, что написано в конце, причём тут всё бралось в расчёт: каким карандашом написано – синим или красным, крупными буквами или мелкими. Красный карандаш считался более лестным, синий – не так, зелёный или коричневый почему-то огорчали.

Под Колиной работой я написала: «Чисто, но почерк плохой».

– Покажи, что у тебя? – сказал Гай.

– Не дам, – процедил Николай, проходя на своё место.

– Я видел! – вмешался Морозов. – Марина Николаевна написала: «Чисто». А только он всё переписал в один раз – это не дело, так всякий сумеет. Надо каждый день писать как следует.

Николай уже сидел на своей парте, и вид у него был такой, точно не о нём речь. Только по быстрому взгляду, который он бросил на Морозова, я поняла, что он не пропустил ни слова.

После уроков я едва разняла их. Вот уж, действительно, когда у меня руки опустились! Кажется, только что всё наладилось, и вот опять драка, опять всё сначала!

Мне незачем было спрашивать, кто начал первый: Морозов никогда не участвовал ни в каких драках, и сейчас потасовку затеял, конечно, Савенков.

– За что ты его?

– А какое его дело! Чего он суётся, куда не просят?

– Не понимаю. О чём ты говоришь?

– Вы написали в тетрадке «чисто». А он влез: «Это каждый сумеет, надо каждый день чисто писать». Какое его дело?

– Он прав, уроки надо всегда готовить чисто. Но даже если бы ты рассердился за дело, неужели ты думаешь, что колотушки – такое уж хорошее объяснение?

– Так ведь он иначе не поймёт. Это для него самая хорошая наука, – убеждённо ответил Савенков.

– А что бы ты сказал, если бы я стала так учить тебя?

Действие моих слов было самое неожиданное: Савенков поднял голову, посмотрел на меня и широко улыбнулся – и от этого его лицо стало совсем мальчишеским, открытым и простым.

– Я больше не буду, Марина Николаевна, – сказал он. – Вот честное слово, не буду!

Тетради его день ото дня становились чище, и всякий раз он ревниво смотрел, что я написала в конце.

Хорошим классным организатором Коля не стал, мы сменили его. Но последняя парта в правом ряду больше не мешала мне на уроках.

– Савенкова-то вроде подменили – не кричит, не дерётся! – с комическим удивлением заявил как-то Боря Левин.

Николай тотчас ткнул его кулаком в бок. При этом он надулся и покраснел, словно Боря вмешался во что-то глубоко личное, что касалось только его одного.

Борис никогда не оставался в долгу, но тут и он, как видно, почувствовал, что сказал лишнее.

– Не лезь! – крикнул он только, но сдачи не дал.

– Сам не лезь, куда не просят, – веско отозвался Савенков.

ГАЛЯ

– Скажи, Галя, девочки в вашем классе часто дерутся?

Мы уже кончили работу: я проверила тетради, Галя приготовила уроки, и мы, как всегда, сидели на диване, беседовали.

– Дерутся? – удивлённо переспросила Галя. – У нас в классе никто не дерётся.

– Разве девочки никогда не ссорятся?

– Ссориться – это совсем не то, что драться, – философски заметила Галя. – У нас если девочки ссорятся, они сразу идут и жалуются Зинаиде Павловне, и Зинаида Павловна разбирает, кто прав, а кто нет. Совсем не нужно драться. Это, наверно, ваши ученики дерутся?

Да, ничего не поделаешь: мои ребята чуть ли не всякий спор разрешают кулаками, и я никак не могу отучить их от этого. Но и картина, нарисованная Галей, мне не по душе. «Идут и жалуются»? Нет, это неправильно.

– Расскажите про ваших мальчиков, – просит Галя. – Воробейки, наверно, опять в школу не пришли? Покажите мне Сашину тетрадку. И Васину тоже.

Галя уже знает всех моих ребят по именам и даже различает почерки. Она любит листать тетради, смотреть отметки, близко принимает к сердцу и пятёрки и двойки. Но о своей школе она рассказывать не любит.

...Всё минувшее лето Галя мечтала о школе, с утра до ночи о ней говорила, только о ней и думала.

Школа завладела её мыслями безраздельно. Слова «класс», «учительница», «учебники» она произносила почтительно и благоговейно. Первого сентября Галя встала в пять утра и попыталась тут же отправиться на занятия.

С первых же школьных дней Галя стала умолять бабушку, чтобы ей сшили форму. «У всех девочек есть форма, – говорила она голосом, в котором слышались мольба и требование, надежда и отчаяние. – Зинаида Павловна говорит, если мне не сошьют форму, она переведёт меня в другую школу!»

Домашних, признаться, удивила такая угроза, но форму Гале сшили: коричневое платье и чёрный передник. Она помчалась в школу, как на крыльях. Вернулась Галя после уроков печальная. «Ну как, – спросила я, – что сказала Зинаида Павловна о твоей форме?»

«Ничего не сказала, – скучно ответила Галя. – Чудная какая-то: сама велела, а сама не радуется».

Как-то утром Галю долго не могли добудиться: она не хотела идти в школу. «Почему? – добивались мы. – Что случилось?» Не сразу, с запинкой она рассказала, что Зинаида Павловна велела девочкам дома связать вместе десять спичек. «Я связала, бабушка видела. А в классе нитка лопнула. Я вынула катушку и опять стала перевязывать спички. А Зинаида Павловна посмотрела и говорит: «Ты зачем домашнее задание делаешь в классе? Я тебе поставлю двойку». Я

ей объясняю, что просто нитка оборвалась. А Зинаида Павловна говорит: «Девочки, кто видел, как она в классе делала домашнее задание?» Лена подняла руку и говорит: «Я видела». Тогда Зинаида Павловна объяснила всем, что я говорю неправду. Почему же она Лене поверила, а мне не поверила?»

«Подумаешь, важность! – сказала бабушка. – Ну, не поверила, тут беды нет никакой. Одевайся и беги».

Галя оделась, собрала книги, и я видела из окна, как она уныло побрела в школу, о которой так мечтала всё лето.

Однажды Галя неаккуратно выполнила урок: посадила кляксу, сделала ошибку. Огорчённая, она всё написанное взяла в скобки и вывела крупными буквами: «Это плохо. Напишу ещё». И аккуратно всё переписала. Учительница перечеркнула страницу красным карандашом и поставила под работой двойку. Я заметила, что с тех пор Галя больше уже не пыталась переделать небрежно выполненный урок.

Быть может, каждый из этих случаев сам по себе не так уж важен, но я видела: с каждым днём в Гале угасает любовь к школе. И это был для меня очень серьёзный, очень наглядный урок. Я поняла: передо мной человек. Не важно, что ему только семь лет, – я должна уважать его. Он всё чувствует, всё понимает, Ценит привет и ласку, не прощает равнодушия и несправедливости.

БРАТЯ ВОРОБЕЙКО

«Воробейки» – Саша и Вася, о которых спрашивала Галя, уверенная, что они «опять в школу не пришли» – были близнецы. Саша появился на белый свет всего на час прежде Васи, но вёл себя так, словно был старше по крайней мере лет на пять. Вася слушался его во всём, не рассуждая: он преклонялся перед братом, слепо ему верил и во всём старался подражать. Внешне они совсем не походили друг на друга: Саша – высокий, с длинным лицом и узкими, безмятежно дерзкими глазами; Вася – – маленький, добродушный, курносый, над правой бровью у него коричневая родинка – она почему-то придаёт Васиному лицу забавное, удивлённо-вопросительное выражение. Оба они второгодники и попали в мой класс из другой школы в середине октября.

Памятно и необычно началось моё знакомство с Сашей Воробейко. В большую перемену я вышла с ребятами из класса. Вернувшись, я увидела, что на столе попрежнему лежит мой портфель, стопка тетрадей, но сумки нет. Я огляделась, выдвинула ящик стола, посмотрела в шкаф – сумки не было.

– Что вы ищите, Марина Николаевна? – спросил Рябинин.
– Сумку. Я оставляла здесь сумку, и её нет.
– Где Воробейки? Саша – дежурный, он оставался в классе, – слышались голоса.

Воробеек не было – ни Саши, ни Васи. Они ушли, не сказавшись, и явились в школу только на другой день.

– Где сумка? – встретили их ребята.

– Какая сумка? – вопросом на вопрос ответил Саша.

– Ты вчера дежурил, сумка лежала на столе, а когда Марина Николаевна пришла с перемены, ни тебя, ни сумки не было, – спокойно, внушительно сказал Рябинин.

– Никакой я сумки не видел.

– Ты дежурный – ты и отвечаешь, – твёрдо сказал Рябинин. – Зачем с урока ушёл?

– Нужно было – вот и ушёл.

С этими словами Саша уселся на свою парту, не удостоив Лёшу ни единым взглядом.

Тут бы мне вмешаться, сказать Саше, что он не может уходить из школы, когда вздумается, посреди занятий, – наверное, все ребята ждали, что я скажу что-нибудь такое. Но я промолчала. По совести говоря, я просто побоялась сказать что-либо. «Бог с ней, с сумкой, – подумала я. – Авось обойдётся как-нибудь».

Но, конечно, не обошлось. Через неделю у Гая пропала коробка цветных карандашей, ещё через несколько дней – пенал у Лабутина. Класс гудел, как осиное гнездо: на переменах и после уроков говорили только о кражах.

– Это тех же рук дело, что и с сумкой, – слышала я.

– Знать бы кто – дал бы я п-подлецу! – – заикаясь от волнения, заявил тихий Глазков.

Только Воробейки – Саша, а значит, и Вася, – казалось, ничуть не интересовались происходящим и не участвовали в обсуждении. В школу они ходили не часто, приготовлением уроков себя не утруждали, и в журнале против их фамилий трудно было обнаружить что-нибудь, кроме двоек.

Моё поведение – я понимала это – было нелепо. «Он, конечно, смеётся надо мною, думает, что я слепа или боюсь его», думала я о «старшем» Воробейко и... молчала.

– В другой раз надо будет всех обыскать, – сказал однажды Рябинин. – Хуже нет, когда все друг на друга косятся и никто никому не верит, а один гад ходит и радуется.

Но я не могла себе представить, что стану рыться в портфелях ни в чём не повинных ребят. Что, если бы это я сидела на парте, зная, что ни в чём не виновата, и меня вдруг стали обыскивать? Я не забыла урока, полученного от Гали: я твёрдо знала, что чувством собственного достоинства обладают все люди, даже самого малого возраста. И когда Рябинин сказал мне: «Марина Николаевна, что вы сомневаетесь, ведь это Воробейкиных рук дело!» – я ответила:

– Не пойман – не вор, Лёша. А вдруг мы ошибаемся? Что тогда?

– Да не ошибаемся, Марина Николаевна! Вот попомните моё слово!

И я «попомнила». Однажды во время перемены в учительскую вошёл милиционер.

– Вы будете товарищ Ильинская? – сказал он, вежливо по-

здоровавшись. – Разрешите взять в отделение вашего ученика Воробейко Александра, есть на него серьёзная жалоба, – и милиционер протянул мне густо исписанный лист бумаги.

Я мельком взглянула, но от волнения ничего толком не разобрала: речь шла о каком-то грузовике с яблоками, который Саша вместе с приятелями ухитрился опустошить.

«Вот и выход, – пронеслась мысль. – Возьмут его – и дело с концом». И вдруг, неожиданно для себя, даже каким-то не своим голосом, я сказала:

– Нет, это мой ученик, и я не могу отпустить его с уроков. Я сама зайду вечером к начальнику милиции и поговорю с ним.

Когда я вышла в коридор, у дверей учительской толпились ребята, и было ясно, что им уже всё известно. Придя в класс, они ещё некоторое время не могли успокоиться, и я расслышала, как кто-то с упрёком сказал Саше:

– Вот, Марина Николаевна за тебя заступилась...

И этот мальчишка, несомненно испуганный, всё ещё бледный, нашёл в себе силы ответить сквозь зубы:

– Очень нужно!

Сразу после уроков я пошла к Саше на дом. Меня благожелательно встретил Воробейко-отец, грузный, плечистый мужчина высокого роста. Он подал мне стул, сам опустился на кровать напротив и внимательно выслушал всё, что я рассказала.

– В классе это, конечно, Сашка воровал, – сказал он, ко-

гда я кончила. — Ничуть не сомневаюсь. И признаться вам откровенно, Марина Николаевна, я давно махнул на него рукой. Поверьте мне, ему одна дорога — в трудовую колонию.

— Что вы... — начала я растерянно, но он не дал мне договорить.

— Нет, уж вы мне поверьте. Я весь день на работе, ребята одни, присмотрю, прямо скажем, никакого. Могу, конечно, отправить Сашку в деревню к жене — так ведь разве она с ним сладит? У неё там ещё двое. А он и брата портит и сам уже совсем увяз. Того и гляди, натворит какой-нибудь уголовщины. Распустился, совсем распустился!

Он сказал это без горечи, спокойно и равнодушно, как говорил бы о жильцах соседнего дома, о прохожих на улице, о жителях Марса, если только там кто-нибудь живёт.

Что было делать? Читать нравоучения? Возмущаться, доказывать, что он, отец моих учеников, который должен быть моим помощником и союзником, не смеет говорить так о своих детях?

— Простите, но, мне кажется, вы сами виноваты в том, что они распустились, — сказала я, почти пугаясь своего резкого тона: всё-таки этот человек был чуть не вдвое старше меня. Но я уже не могла остановиться. — И почему вы так легко решили насчёт трудовой колонии? Никто не имеет права перекладывать воспитание своих детей на чужие плечи!

— А я, знаете, не верю в воспитание уговорами: «Саша, не воруй, да Саша, перестань...» Его надо наказать. В колонии

на него найдут управу, а мы с вами тут ничего не сделаем. Не взыщите: что думаю, то и говорю.

Я ушла от него в смятении. Меня глубоко возмущало это ленивое, спокойное равнодушие, и в то же время... В самом-то деле, что я могу сделать с Сашей? Отец считает его безнадёжным: ведь и правда, растёт вор. И лгун. Как я его переделаю? Не лучше ли отдать его в более твёрдые, опытные руки?

Эти мысли точили меня и дома. Я стояла на кухне у своего чайника, не замечая, что он отчаянно фыркает и плюётся, и мысленно доругивалась с Воробейко-отцом, пока Мария Фёдоровна, соседка, не сказала мне с недоумением:

– Мариночка, что вы смотрите? Чайник давно кипит... И отчего это у вас вид такой усталый?

– Не усталый, а огорчённый, я уж вижу, – поправила Татьяна Ивановна. – Что стряслось? Рассказывай уж.

– Да что... Есть один мальчишка в моём классе. Ворует. Из милиции приходили.

– А родители? – спросила Татьяна Ивановна.

– Мать в деревне, отец говорит: в трудовую колонию – одна дорога.

– Вот и прекрасно! – воскликнула Мария Фёдоровна. – Что же вы расстраиваетесь? Уж если отец так считает, значит его возьмут и развяжут вам руки.

Должно быть, этого-то совета мне и не хватало. Наскоро напившись чаю, я отправилась в милицию.

— Да, — сказали мне в детской комнате, — у них во дворе подобралась бойкая компания. Видно, есть руководитель повзрослей да неопытней, чем эта мелюзга. Ваш Воробейко пока ни в чём уличён не был, а вот теперь мы посмотрим, что он такое... Не вызывать его? Почему не вызывать? Вы за него ручаетесь? (Тут на меня посмотрели с особенным вниманием, словно оценивая, надёжный ли из меня выйдет поручитель). Так ведь это не просто слово «ручаюсь». Раз ручаетесь, стало быть, в случае чего, будете за него в ответе... Ну ладно, посмотрим. Телефона у вас нет? Адрес какой? Ладно, давайте держать связь.

На другой день после уроков я попросила Сашу остаться. Мы выждали, пока ребята разошлись, и я начала свой первый серьёзный разговор. Собственно, настоящего разговора не было: собеседник упорно молчал

— Ты не волнуйся насчёт этой истории с грузовиком и яблоками. Я вчера была в милиции и поручилась за тебя. Но я хочу поговорить с тобой ещё вот о чём. Ты ведь знаешь, в классе участились кражи. Это очень неприятно. Просто нельзя понять, кто виноват. (Саша искоса взглянул на меня быстрым и, кажется, чуть насмешливым взглядом). Так вот, я хочу попросить тебя: возьми, пожалуйста, на себя заботу о шкафе. Знаешь, там у нас хранятся тетради, книги наши. Вот тебе ключ, возьми — следи, чтоб всё было в порядке.

Надо отдать Саше должное: он посмотрел на этот ключ, как на гремучую змею, он отбивался от чести, которую я ему

навязывала, как только мог:

– Не знаю... не могу... Да как же я буду отвечать? Да что я могу сделать?..

Но ключ я ему вручила.

Почему я это сделала? Ведь я не вдруг решила, я обдумывала этот разговор накануне и ночью долго не могла заснуть. Мне казалось: я обращаюсь к лучшему, что есть в Саше.

Мне вспомнилась картина «Путёвка в жизнь». Там руководитель колонии для беспризорных (его играл чудесный артист Баталов) вот так же вручил вору Мустафе деньги. Мне вспомнилось его суровое, взволнованное лицо, сдвинутые брови: вернётся ли Мустафа или сбежит с деньгами? Вместе с ним ждёт и волнуется зритель. И Мустафа возвращается: большое, неожиданное доверие что-то перевернуло в нём, сделало его другим человеком. Это была правда, этому нельзя было не верить. И ведь вот Макаренко действовал так же, об этом рассказано в «Педагогической поэме»: вчерашнему вору Карабанову он дал доверенность, на получение пятисот рублей и, когда Семён привёз деньги, даже не стал их пересчитывать. А потом он поручил Карабанову получить ещё большую сумму, и когда тот потребовал, чтобы Антон Семёнович проверил деньги, Макаренко твёрдо ответил: «Я знаю, ты человек такой же честный, как и я. Я это и раньше знал, разве ты этого не видел?» Это был смелый поступок и хороший, смелый разговор.

Почему же у меня от разговора с Сашей нет радости, а

только смутный осадок на душе, и самый разговор уже кажется фальшивым, ненастоящим? Видно, нельзя просто подражать кому-то, а надо каждый раз самой думать, самой решать, как поступить.

Кражи в нашем классе прекратились, но легче мне не стало: братья Воробейко как были чужими в классе, так и остались чужими. Они всё реже приходили в школу, и однажды Рябинин сказал:

– Марина Николаевна, Воробейко отдал мне ключ от шкафа. Говорит: «Тебе сподручнее следить за тетрадками, а я в школе почти не бываю». Я ключ взял. Ничего?

– Ничего, – ответила я упавшим голосом.

НАШ ВОЖАТЫЙ

А жизнь шла своим чередом. Мы уже выпускали в классе газету под названием «Дружба». Один номер мы посвятили краснодонцам, другой – Александру Матросову.

Произошло ещё одно важное событие: к нам пришёл пионервожатый.

Лёва Виленский учился в девятом классе. Я его знала: нередко заставляла у Натальи Андреевны. Он был её учеником в начальной школе, и они остались большими друзьями. Кажется, дня не проходило, чтобы Лёва в перемену или после уроков не забежал к ней. Думаю, что именно Наталья Андреевна посоветовала в комитете комсомола направить Лёву вожатым в мой класс.

– Хороший у вас будет помощник, – сказала мне Наталья Андреевна. – Можете во всём на него положиться.

Она знала Лёву с одиннадцати лет, он пришёл в её класс в год войны. Вместе со школьным интернатом они эвакуировались в Горьковскую область. Там всем, особенно вначале, пришлось нелегко – и ребятам и учителям. Школа на первых порах не отапливалась: чернила замерзали, опухшие пальцы с трудом удерживали карандаш. В доме не было света, долгие вечера проходили при тусклом мерцании трёх коптилок. И уже тогда было видно, что Лёва не из тех, кто опускает руки, если становится трудно. От него никогда не слышали ни

жалоб на усталость, ни отказа от работы; он многое умел делать сам и ещё большему научился. Наталья Андреевна рассказывала, что летом школьники помогали колхозу: работали в поле, на огороде; почти для всех это было непривычно и нелегко – это тоже было испытанием не только выносливости, но и характера. И худой, близорукий Лёва выдержал экзамен.

– Вы сами увидите, каков он в деле, – сказала Наталья Андреевна и добавила смеясь: – Расспросите его о механической мастерской – сразу познакомитесь!

Позже я действительно спросила Лёву, что это была за механическая мастерская, и вот что он рассказал мне:

– В сорок четвёртом мы вернулись из эвакуации, первым делом всё обежали, осмотрели – как в школе, во дворе. А во дворе, в самом углу, стоял домик, в нём прежде была какая-то мастерская. Зашли мы туда. Мрачно, грязно, пол перекопился, мусору целые горы. И тут же всякая металлическая рухлядь – станки брошенные, никуда не годные. В общем, мерзость запустения. Ну, взялись мы, можно сказать, засучив рукава – не смотреть же на такое, в самом-то деле! Анатолий Дмитриевич помог, учителя... Такую устроили мастерскую! Работали желающие... ну, и я в том числе.

Он не сказал, что с первого дня был душой этой затеи.

– Что же выпускала ваша мастерская? – спросила я.

– Гибкий вал для танков! – ответил Лёва.

И как ответил! Выразительней, с большей гордостью нель-

зя было сказать. Да и было чем гордиться!

Впрочем, когда происходил этот, разговор, я уже хорошо знала Лёву. Но когда он, высокий, худой, в очках, впервые пришёл к нам в класс, ребята не могли скрыть своего разочарования.

«УМЕЛЫЕ РУКИ»

Он был тихий, этот Лёва, вежливый, но, к сожалению, на моих ребят эти качества не произвели впечатления.

– Маменькин сынок, – сказал Левин.

– Очкарик! – отрезал Выручка.

– Вот у пятого «А» вожатый так вожатый! Лучший вратарь во всей школе, – подвёл итог Лабутин.

Я пристыдила их, сказала, что Лёва хороший комсомолец, лучший ученик в своём классе, но никакими хорошими словами я бы его не выручила, если бы он сам себя не выручил – и не словом, а делом.

Вскоре после того как он пришёл к нам и познакомился с ребятами, Лёва сказал мне:

– Марина Николаевна, давайте проведём анкету, всего один вопрос: «Чем бы ты хотел заняться в свободное время?»

– А зачем анкету? Может, просто спросим у ребят, что их интересует?

– Один скажет, другой промолчит – анкета, по-моему, лучше.

Я согласилась. Мы задали ребятам этот вопрос и просили ответить письменно. Ответов было множество, и если свести их воедино, все они говорили об одном: хочу знать, хочу уметь.

«Есть ли люди на других планетах?»

«Остынет ли Солнце?»

«Как появился первый человек?»

«Как починить электрический чайник?»

«Как собрать радиоприёмник?»

Левин же написал кратко и энергично: «Хочу уметь клеить резину». И хотя он не объяснил, зачем ему «уметь клеить резину», мы с Лёвой поняли: Боре нужно знать, как быть, если лопнет камера у футбольного мяча.

На сборе отряда Лёва сказал ребятам:

– Почему есть кружки рисования, пения, танцев, а кружков, где учатся работать, нет? Давайте устроим такой кружок и будем учиться работать. Надо всё уметь делать. Нехорошо, если человек становится втупик перед сломанной табуреткой или перегоревшими пробками. Я знаю одного парнишку, так у него если оторвётся пуговица, он целый день ходит следом за мамой, за сестрой, за бабушкой и упрашивает: «Пришейте, пришейте», а если им некогда, он так и остаётся без пуговицы.

– Что же, – иронически спросил Боря Левин, – может быть, ты хочешь устроить кружок кройки и шитья?

– И это было бы неплохо, – спокойно ответил Лёва, не обращая внимания на смех ребят. – Только таким кружком я руководить, к сожалению, не смогу: не умею ни кроить, ни шить. Но я могу научить вас чинить электрический прибор – и утюг и чайник. Могу показать Боре Левину, как клеить

резину. И модель радиоприёмника могу сделать.

В кружок записалось семь человек, но скоро прибавилось ещё столько же.

Каждый раз, как на уроке надо было показывать диапозитивы, мы мучились: портьер не было, шторы, служившие в военное время для затемнения, истрепались, и мы занавешивали окна всякой всячиной. Это требовало много времени и было ненадёжно – в самую критическую минуту что-нибудь непременно падало, сваливалось.

Левины кружковцы начали с того, что из газетной бумаги сделали светонепроницаемые шторы и на круглых палках подвесили их над окнами; теперь в любую минуту можно было быстро и прочно «затемниться». Потом Лёва научил их клеить резину, и ребята стали сами чинить себе калоши. Потом они сделали для класса книжную полку.

У Лёвы оказались поистине золотые руки: он умел делать всё и за что бы ни брался – всё у него выходило споро, быстро, точно.

Он великолепно играл в шахматы, и ни одному из ребят ни разу не удалось его обыграть. Он умел ответить на любой вопрос. Он знал, отчего трещит костёр, отчего в еловом лесу нет ни красных, ни жёлтых, ни синих цветов, почему в лесу много поваленных ветром деревьев, а в поле одинокое дерево скорее устоит под ударами ветра.

Я видела, что ребята стараются подражать Лёве. Он отлично знал азбуку Морзе, и все они стали выстукивать: «Бес-са-

раб-ка... Ва-ви-лон... Звон бу-ла-та... Щу-ро-гла-зый...»

– Понимаете, Марина Николаевна, – с воодушевлением объяснили мне ребята, – слог, в котором есть буква «а», означает точку! Все остальные слоги – – тире. Забыл, как изображается буква, – вспомни слово, которое начинается с этой буквы, произнеси его по слогам – и всё в порядке!

Лёва сказал, что мы непременно пойдём отрядом в поход. Благодаря ему у нас в шкафу завелась походная аптечка. Юра Лабутин избран был санитаром, и впереди стало вырисовываться нечто заманчивое и увлекательное; поход!

«И С ГРУЗОВИКОМ ТОЖЕ Я...»

Готовясь к ёлке, мы инсценировали басни Крылова, придумали много шарад.

Братья Воробейко стояли в стороне от всего этого. Изредка и они оставались после уроков, но были посторонними, равнодушными зрителями, а мы – участниками; их присутствие, пожалуй, даже стесняло нас.

Однажды я прочла ребятам забавную сценку; действующими лицами были учитель и два ученика; один растерянный, – у доски, второй – подсказчик. Сценку попробовали разыграть. Трофимов исполнял роль учителя без особого воодушевления, но выходило недурно: получился этакий строгий, неумолимый педагог, он разговаривал сухо, холодно, и его ничуть не трогали муки не выучившего урок ученика. Подсказывал Володя Румянцев. Этот искренне увлёкся ролью: шипел изо всех сил, всплёскивал руками, тарашил глаза. Получалось очень смешно. С лодырем дело обстояло хуже; Кира Глазков добросовестно выговаривал слова роли, но выходило пресно, неубедительно.

– Может быть, Володе и Кире лучше поменяться? – предложил Лёва. – Володя так горячо подсказывает, что, наверное, и ловить подсказку будет с превеликим усердием.

Ребята засмеялись. И вдруг Саша Воробейко сказал:

– Дайте-ка мне!

– Что дать? – не сразу поняла я.

– Дайте я попробую того, который у доски.

Все зашевелились, зашумели. Кира с готовностью сказал:

– Правда, пускай попробует!

Саша вышел к доске. Он подавал реплики так выразительно, так забавно и верно, так естественно прислушивался к подсказке, запинаясь и перевирал, что мы без смеха не могли слушать и дружно похлопали ему.

Тут я увидела, что Александр Воробейко не равнодушен к похвалам. Он порозовел, глаза блестели, и хоть он пытался сохранить обычное полунасмешливое выражение лица, ему это плохо удавалось.

В субботу опять была репетиция. Накануне свободного дня мы разрешили себе остаться в школе подольше. Ребята сбегали домой, пообедали и вернулись. Саша примчался раньше других. Тут мы увидели, что он не тратил времени даром: за эти дни он придумал немало нового. Он делал вид, будто у него что-то записано на ладони, или потихоньку вытаскивал из кармана клочок бумажки и заглядывал в него. Не спуская глаз с учителя, он в то же время так вытягивал шею в сторону подсказчика, вставал на цыпочки, изгибался, поднимал брови, что прямо-таки начинало казаться; вот у него на наших глазах вдвое вырастает левое ухо! Он был ужасно горд своими выдумками – и не зря: на ёлке самый большой успех выпал на его долю.

С тех пор Саша стал чуть ли не самым ревностным участ-

ником наших постановок и всегда с жаром добивался новых ролей.

Раз ему случилось играть патетическую роль, и мы убедились, что она ему совсем не удаётся.

Я готова была жертвовать художественными достоинствами нашей самодеятельности, лишь бы видеть Сашу вместе со всеми, но боялась, что ребята, придирчивые и строгие судьи, отнимут у него роль. Однако этого не случилось. Мальчишки наперебой давали ему советы: «Ты горячее говори, горячее!» Или: «Да попроще ты, чего завываешь? И руками не маши, как мельница».

Роль оставили за Сашей.

Рассказать, что было дальше, мне трудно, потому что никаких событий я припомнить не могу. Да их и не было. Разговаривать с Сашей стало легче и проще. У нас с ним отношения стали почти дружеские – это обязывало его ко многому. Если вечером все, в том числе и я и Саша, горячо, азартно обсуждали, как поставить новую шараду, то неловко, совместно ему было назавтра притти в школу, не приготовив домашнего задания, или плохо, путано отвечать у доски. А если готовил уроки Саша, то готовил их и Вася. И самое важное: они перестали быть чужими в классе.

Много позже Саша Воробейко сказал мне;

– Марина Николаевна, а ведь это я воровал тогда, и с грузовиком тоже я...

– Знаю, – ответила я.

– И я знал, что вы знаете, – со вздохом проговорил он.

УШАНКА

Как-то после уроков, уходя домой, я по привычке заглянула в свой класс и увидела Лёву, окружённого кучкой ребят: тут были Гай, Горюнов, Ильинский, Выручка, Саша Воробейко и Рябинин. Лёва горячо объяснял что-то, обращаясь главным образом к Лёше Рябинину, а тот стоял красный, смущённый и как будто недовольный.

– Да разве это твои деньги, что ты ими распорядился? – услышала я слова Лёвы.

– А что, он на себя, что ли, потратил? – возразил Саша Воробейко.

Я ничего не понимала.

– Зачем он вообще покупал? – сердился Лёва. – Это школа должна была сделать, а не он. С какой стати Савенков будет принимать от него подарки?

– Так не от меня же, а от всех! – возмущённо крикнул Лёша.

– Что у вас случилось? – вмешалась я.

Все разом обернулись и хором начали объяснять. Прошло немало времени, прежде чем я поняла, в чём дело.

У нас постоянно было около семидесяти рублей общих классных денег. На эти деньги мы покупали цветную бумагу, краски, портреты писателей, иной раз и книги в классную библиотеку. Деньги обычно хранились в классе, в нашем

шкафу, но как-то само собой вошло в обычай, что распоряжается ими хозяйственный Лёша Рябинин: он всегда знал, что именно надо купить. И вот, видя, что Коля Савенков ходит в морозы в изодранной шапчонке, Лёша распорядился по своему усмотрению: он взял классные деньги, купил шапку-ушанку и пять минут назад вручил её изумлённому Лёве со словами: «Отдай Савенкову».

Вожатый попытался объяснить, что «частная благотворительность» тут неуместна, что она может только обидеть Николая, что надо действовать иначе, через школу... Но Лёша, а за ним и остальные стояли на своём: что же Савенкову обижаться на товарищей? Ведь Лёша купил шапку не на свои, а на общие, классные деньги.

– Прежде всего ты должен был посоветоваться со мной и с Лёвой, – сказала я. – Почему ты нас не спросил?

– Так ведь, Марина Николаевна, когда же было спрашивать! – рассудительно начал Лёша. – Иду я по улице, ищу клей и кнопки, и ещё вы сказали портрет Чехова поискать. Деньги со мной. Гляжу – какая шапка подходящая! Вы только посмотрите – тёплая, хорошая! Ну, я и купил. Что же мне было – пропустить её, что ли?

Мы с Лёвой переглянулись, и, я уверена, он подумал в эту минуту то же, что и я: а вот мы пропустили, не подумали о том, что Коля Савенков ходит в дырявой шапке и хорошо бы купить ему новую. А Лёша об этом думал, и трудно упрекать его за то, что он сделал.

– Что ж, Лёва, – сказала я: – вы, конечно, правы, но что сделано, то сделано. Может, всё-таки отдадим шапку Николаю – не возвращать же её в магазин!

Лёва прошёлся по классу раз, другой. В серьёзные минуты он всегда расхаживал взад и вперёд.

– А как же мы это сделаем? – спросил он.

– Вручим на отрядном сборе! – воскликнул Витя Ильинский.

Я просто похолодела. Неужели ребята и вправду решат устроить такое? К величайшему моему облегчению, Саша Воробейко сказал резко:

– Тоже выдумал! Может, ещё под музыку её вручать?

– Отдать надо в одиночку. Лучше пускай Лёва отдаст, чтоб Николай не стеснялся, – поддержал Саша Гай.

– А по-моему, лучше отдать Колиной маме. Сказать, что от школы, и всё. А она сама ему подарит, – сказал Толя Горюнов.

– Точно! – скрепил Воробейко.

Это неотвязное словечко, несмотря на все мои протесты, просто рябило в речи ребят: его употребляли все.

На том и порешили. Лёва отнёс злополучную ушанку (впрочем, надо отдать справедливость Лёшину вкусу: действительно очень хорошую и тёплую) матери Савенкова.

– Я ей сказал: «Вот Николаю от школы новая шапка». Она сперва удивилась, стала отказываться, но я ей растолковал, что это от школы и, так сказать, в деловом порядке: чтоб го-

лова не мёрзла и не переставала соображать на уроках, – доложил мне потом Лёва и при последних словах улыбнулся застенчиво и немного иронически, так что я тотчас поняла: Савенковой он этого, конечно, не сказал, а сказал какие-то гораздо более простые и добрые слова, которые не хочет повторять. – Ну, она поблагодарила – и всё в порядке.

БЕЗ ГРОМКИХ СЛОВ

Больше я о шапке не говорила, никто и не вспоминал о ней. И вдруг дней через десять Лёва буквально ворвался в учительскую. Я поразилась: этого с ним никогда не бывало; обычно, если ему нужно было поговорить со мной, он входил чинно, краснея и извиняясь. Теперь он порывисто протянул мне мелко исписанный листок и воскликнул:

– Нет, вы только посмотрите, Марина Николаевна? И они хотят это поместить в школьной стенгазете!

Следом за Лёвой в учительскую вошёл редактор стенгазеты Юрий Лаптев, ученик девятого класса. Недовольно и укоризненно поглядывая на Лёву, он подошёл к нам и остановился с видом человека, который ждёт, чтобы капризный малыш перестал наконец буянить.

Я взяла листок и прочла:

«О товарищеской чуткости»

Чуткость – неотъемлемое качество советского человека, и её надо воспитывать в нашем подрастающем поколении. Недавно в классе 9-Б заболел ученик Сазонов; товарищи навещали его на дому, носили ему уроки и объясняли пройденное. Когда Сазонов выздоровел и вернулся в класс, оказалось, что он не отстал от остальных учеников. Особенно помогали Сазонову ученики Вальдман, Павловский и Глебов.

Другой пример: класс 4-В проявил товарищескую чут-

кость и заботу о Коле Савенкове. Мальчики узнали, что у Савенкова плохое материальное положение и что отсутствие тёплой шапки мешает ему регулярно посещать школу. Они вскладчину купили Савенкову шапку, тем самым показав себя хорошими товарищами и настоящими пионерами».

– Нет, – сказала я, – этого нельзя печатать.

– Но почему же, Марина Николаевна! – с недоумением и обидой воскликнул Лаптев.

Я не успела ответить: к нам подошёл Анатолий Дмитриевич, который с момента появления Лёвы в учительской, сидя за своим столом, искоса наблюдал за происходящим.

– Позвольте взглянуть, – сказал он, вооружаясь очками.

Внимательно, не торопясь, он прочитал заметку и повернулся к Лаптеву:

– Кто же это писал? Очень уж язык-то... суконно-казённый.

– Написано плохо, – согласился юноша. – Но ведь я знаю: и Лёва и Марина Николаевна вовсе не потому не хотят, чтобы мы эту заметку печатали. А я считаю: обязательно надо печатать – мы должны воспитывать ребят на хороших примерах.

– Должны, – в свою очередь, согласился Анатолий Дмитриевич. – Но знаешь, по-моему, такая заметка может научить ребят только одному... (Он замолчал, медленно – я думаю, не без умысла – протирая и пряча очки. Мальчики насторожились, на лицах обоих так ясно читалось: «Да ну же, гово-

рите скорее!») ...По-моему, она научит только нечуткости и бестактности, – досказал Анатолий Дмитриевич. – Ну, посуди сам, что особенного сделали ребята, которые навещали Сазонова? Неужели было бы естественнее оставить товарища одного? Или вот с шапкой – зачем обставлять это событие такой пышностью? Чтобы подчеркнуть: вот, смотри, Савенков, какие мы хорошие и чуткие? Вы бы ещё перед строем ему эту шапку преподнесли, под барабанный бой! (Так Саша Воробейко сказал: «под музыку», мелькнуло у меня). А ты не думаешь, Юра, что Савенкову тяжело будет носить эту самую шапку? Ведь у него есть и самолюбие и чувство собственного достоинства. Для чего же усложнять такое простое дело?

Лаптев выслушал, кусая губы, – он как будто не соглашался с завучем и колебался ещё.

– Я понял, Анатолий Дмитриевич... – сказал он после паузы.

Тут прозвенел звонок, и мы разошлись по своим классам. Но после уроков в учительской снова зашёл разговор о случившемся.

– А знаете, наш редактор не так уж виноват, – сказала мне Наталья Андреевна. – Вот посмотрите, что люди пишут, – и она протянула мне раскрытую книжку.

«...когда кто-нибудь из детей сообщает, например, что он сегодня в своей квартире помог одной старушке дрова носить, о таких поступках знает наш детский коллектив и при-

ветствует их», прочитала я.

– Это пишет московская учительница, – пояснила Наталья Андреевна, – человек опытный, знающий, не чета нашему семнадцатилетнему редактору. И заметьте, она, так же как и этот мальчик, руководствуется справедливой мыслью: надо воспитывать на хороших примерах. А вы представьте, как раздувается от гордости мальчуган, которого приветствуют – подумать только: приветствуют! – за то, что он помог старушке дров натаскать! Вместо того чтобы удержаться от лишних, громких слов и показных жестов – приветствуют!

Наталья Андреевна тяжело поднялась с дивана. Щёки её залил тёмный румянец, густые брови сдвинулись. Впервые я видела её такой возмущённой.

– Вот он и будет «совершать хорошие поступки» только в расчёте на похвалу и одобрение окружающих, с оглядкой на зрителей, – продолжала она. – А если зрителей не окажется, он ещё, пожалуй, подумает, стоит ли быть хорошим...

В комнате было много народу, в том числе и учителя, такие же молодые, как я, – и все мы с интересом слушали Наталью Андреевну.

– Сколько раз, – сказала она, – я читала: мальчик случайно нашёл кошелёк с деньгами и возвратил его владельцу – какой благородный, какой прекрасный поступок! Да позвольте, как же ещё он мог поступить – оставить кошелёк себе? Тогда почему же не объявлять особую благодарность всем, кто не дерётся, не ругается, не ворует? Почему о поступке

обыкновенном, нормальном, единственно правильном говорится, как о чём-то необычайном? Как будто это подвиг, требующий всех душевных и умственных сил: не присвоить чужую вещь!

– А знаете, я всё-таки не могу вполне согласиться с вами, – в раздумье сказала преподавательница биологии Елена Михайловна. – Вот мы читаем иной раз о ребятах, которые предотвратили крушение поезда или бросились на помощь утопающему, – что же, по-вашему, и об этом писать не надо?

– Голубчик! – воскликнула Наталья Андреевна и даже остановилась от неожиданности. – Да разве это одно и то же? Верно, бывало так, что ребята предотвращали крушения, входили в горящие дома, – так ведь тут нужна смелость, решительность, нужно умение не бояться опасности, рисковать собою ради других. А чтобы не присвоить чужую вещь, чужие деньги, нужно только одно – быть честным!

– Совершенно согласен с вами, Наталья Андреевна, – сказал Виктор Михайлович, преподаватель физики в старших классах, работавший, как и я, первый год. – Понятно, ребятам надо рассказывать о хороших, благородных поступках, да делать-то это надо с толком, без всяких громких слов. Ведь когда подчёркиваешь не существо поступка, а его форму, тем самым рискуешь вызвать желание не столько возвратить найденную вещь, сколько получить благодарность. Верно я говорю?

Он спросил это совсем по-мальчишески, словно школь-

ник, ожидающий одобрения, – и все мы рассмеялись.

Я очень люблю эти разговоры в учительской – они возникают иногда по самому малому поводу. Приходит с урока кто-нибудь из преподавателей, опечаленный или обрадованный, задумчивый или удивлённый, и рассказывает о случае, который произошёл только что в его классе, или о разговоре с кем-нибудь из учащихся. Его выслушивают, потом обычно начинается спор об услышанном или просто разговор – раздумье вслух.

Вот и сегодня. Ну, конечно, каждый знает, как важно учить и воспитывать на примерах, достойных подражания. Хороший поступок, яркий характер, высокая мысль быстро находят доступ к сердцу ребят, рождают в них желание стать такими же и поступать так же.

Но как это делать?

Я совершенно согласна: надо так, как сказал Виктор Михайлович, – просто, без шума, без громких слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.